

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 49 (900)

Воскресенье, 22 сентября 1940 г.

Цена 30 коп.

Сегодня в номере:

1 стр. ПЕРЕДОВАЯ. Идеиное воспитание советского писателя. Юрий ШОВКОПЛАС. Первый год. ВИТ-КОВСКИЙ. Свободное творчество. ЗА НЕДЕЛЮ.

2 стр. Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ. Моральный облик писателя. О. ХВАЛЕБНОВА. Идеиное руководство литературой. Вл. БАХМЕТЬЕВ. Самое главное. Г. КОРАБЕЛЬНИКОВ. Внимание к творчеству. В. КИРПОТИН. О «среднем писателе» и о герое литературы. А. ЖАРОВ. Отношение к кадрам.

3 стр. А. ГУРВИЧ. Нравственность и искусство. С. ГЕХТ. Каждая строка. В. ФОМЕНКО. Клеветническая пьеса.

4 стр. Юрий ЯНОВСКИЙ. Василь Палийчук, гусцу. Акад. К. СТУДИНСКИЙ. 1919—1939. Елена УСИЕВИЧ. Ванда Василевская. Ф. ПЕСТРАК. Песни радости.

5 стр. Юрий ПУТРАМЕНТ. Два сентября. Янина БРОВНЕСКАЯ. Хлеб насущный. Лев ДЛИГАЧ. Стихи и песни. К. П. Разговор о современной теме.

6 стр. Г. Ф. Беспомощность. Ю. ИСАКОВ. Домик в Кирьявале. ИНФОРМАЦИЯ. Народное творчество. Поэтический словарь. На родине Абая. Детский календарь. Полвека благородного труда. Искусство Палеха. Двухтомник Лермонтова. Новые книги в Грузии. Хроника. ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ.

Идеиное воспитание советского писателя

Воспитание советского писателя в духе коммунизма, воспитание идейное, художественное, моральное — главная задача Союза писателей.

Есть, правда, люди, которые думают, что писатель сам «взвешивает дум» и не нуждается в воспитании. «Кто воспитывал Сервантеса, Шекспира, Пушкина?» — говорят обычно эти люди, презирая, очевидно, что гении рождаются готовыми. Стоит, однако, познакомиться с биографией любого выдающегося литератора прошлых времен (если эта биография дошла до нас), как отпадет это странное возращение. Великих писателей прошлого тоже воспитывали; их воспитывали обстоятельства и люди. Лучше всего рассказал это великий писатель русского народа — Горький в повестях «Детство», «В зрелых», «Мои университеты» и в многочисленных очерках, посвященных благородным людям — его учителям. Среди них был и такой великий учитель человечества, как Ленин.

Горький сам был выдающимся писателем. Многие советские писатели являются его учениками или во всяком случае испытали на себе благотворное влияние его воспитательной работы. Особенно Горького-воспитателя было то, что он не говорил общих фраз: «нам надо перестроиться», «растите» и т. п., — он работал всегда конкретно, с рукописью, и умел поставить художнику, молодому и не молодому, конкретные и большие требования: идейные, художественные, моральные.

Пример Горького особенно наглядно говорит о том, как скверно поставлена работа по воспитанию советских литераторов в Союзе писателей. Работа эта в Союзе писателей имеет характер случайный. Идеиные и художественные требования зачастую очень неясны, и нет осмысленной программы в этой области. Президиум Союза писателей и его правления в республиках и областях погрязли в вопросах материально-бытовых, административных и во всякого рода «важно-отложных», а вопросы идейно-художественного воспитания пустили на «самолет».

Нельзя забывать, что слабость идейно-воспитательной работы облегчает проникновение в советскую литературу враждебных идей и чуждых влияний, служит благодарной почвой для капиталистических пережитков. Так попал в плен антисоветских «идеок» писатель Алевко. Так становится возможным появление такого идеологически враждебного, клеветнического произведения, как пьеса Леонова «Метель», критический разбор которой мы даем в этом номере «Литературной газеты». Так появляется на свет такое идеологически вредное произведение, как пьеса В. Катаева «Домик».

Кстати: президиум «заслушивал» эту пьесу В. Катаева, «заслушивал», не подготовившись, не дав никому внимательно разобраться в ней (без предварительного ознакомления, без докладчиков, без разных точек зрения), и дал пьесе «обшную» положительную оценку. Отдельные критические голоса не были услышаны. А между тем, внимательный и непредвзятый анализ пьесы показывает, что главный «герой» ее (Пересков) является дельным нумеристом его типа, что советские люди даны в пьесе извратительно.

Мимо президиума Союза писателей прошли также идеологически вредные пьесы, как «Опасные связи» Зоженко, «Когда я один» Козакова.

Появлению такого рода произведений мало способствовали вредные «теории», ставившие своей целью свертнуть людям голову наоберечь и очень популярны в руководстве московской драматической Союзу писателей. Например — выливать как главную проблему литературы вопрос о показе врагов коммунизма и вести пошлый спор о том, показывать ли врагов во всю его силу или же искусственно оглушать и приглушать. Исходя из этой «проблемы», иные писатели перенесли свое творческое внимание на изображение врага, как главную цель творчества. А другие с серьезным видом доказывали, что врага надо «принизить», и писали фальшивые агитки, думая, очевидно, что они этим возмечают победы коммунизма.

А между тем «проблема» эта в такой ее постановке — выдуманная и вредная. Советский художник потому и советский, что он сочувствует коммунизму, что он на стороне людей коммунизма и их дел. И это дает ему силу быть правдивым до конца. А правда до конца — это показ того, какие человеческие качества — идейные, моральные, органи-

ПРИЕМ ПИСАТЕЛЕЙ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БЕЛОРУССИИ В ЧЛЕНЫ ССП

В знаменательные дни первой годовщины освобождения Западной Украины и Западной Белоруссии от наскогов нга правление Союза советских писателей Белоруссии приняло в союз первую группу поэтов и прозаиков западных областей БССР.

В члены союза единогласно приняты белорусские поэты Максим Танк и Филипп Пестрак и польские прозаики Янина Бровневская и Констанция Ангельм.

Максим Танк — широко известный талантливый певец белорусского народа, мужественный борец за его свободу. Танк — автор сборников «На атаках», «Под матчей», «Нарач» и других стихотворений.

Недавно в Ялте Максим Танк написал киносценарий «Бура над Нарачью» — об известном восстании нараранских рыбаков против помещичьего произвола.

Другой выдающийся поэт, принятый в Союз писателей, — Филипп Пестрак около

двенадцати лет провел в тюрьмах, но его пламенные строки проникали за тюремные стены и доходили до сердец трудящихся. Только после освобождения Филипп Пестрак восстановил по памяти большинство созданных им в заточении стихотворений, которые входят в книгу под названием «На страже».

Янина Бровневская — одаренная польская писательница, автор пяти книг для детей, ряда повестей и публицистических статей. Янина Бровневская неоднократно подвергалась репрессиям за свою литературную и общественную деятельность. Вскоре выйдет на белорусском и русском языках ее новая повесть «Путешествия мелкого грошика».

Констанция Ангельм — автор книги «Перекроют», рисующей безрадостную жизнь трудящейся молодежи под ярмом капитализма.

Советские писатели, используя классическое наследие, творят и все шире будут творить многообразные формы, соответствующие новому историческому содержанию слова о коммунизме, о людях коммунизма, о том, как он был завоеван, — в этом состоит историческая миссия советского писателя и в этом — главная жизненная его задача.

Писатели, обходящие этот главный вопрос, кричащие о том, что «мы-де хотим писать на «острые» темы, а нам-де не дают», подразумевают под «острыми» темами не больше, как смакование всякого рода гнилых словечек, да собственные меланхолические страхи и переживания. Такова, к примеру, пьеса «Метель» Леонова.

То, как люди, борющиеся за коммунизм, развили капитализм в бывшей Российской империи, как в борьбе с врагами соединили в одну семью десятки народов, освободили десятки миллионов людей от илчества, как они в кровавой борьбе и в героическом труде показали себя умнее, крупнее, неизмеримо выше, морально и творчески выше своих врагов, за пьесами которых стоит более чем тысячелетний опыт эксплуатации, подлости и обмана, — это самая острая и захватывающая тема современности.

«А как же быть с сатирой, в которой показывается зачастую только один враг?» — спрашивают иные. — Значит, советский художник не имеет права на такую сатиру?»

А как обстоит дело с сатирой в мировой истории литературы? — ответим мы этим людям. — Укажем нам хотя бы одно значительное сатирическое произведение прошлого, из которого неясно было бы, против кого и за что она борется? Дело не в том, показывать ли одних врагов или дать и положительных героев в сатире, а дело в том, за кого и против кого сатира направлена. А «скольким» показав врагов и «скольким» друзей, — это не проблема для человека с боевым сердцем, а проблема для тех, кто хочет протиснуть что-нибудь «остренькое», т. е. пошлячество против социализма.

Неумение вовремя дать отпор (и дать отпор так, как надо) этим и подобным «теориям» — это едва ли не самый крупный недостаток в воспитательной работе Союза писателей.

Одной из вредных «теорией» в области литературы является искусственный разрыв вопросов идейного содержания и формы. Разрыв этот летит воду на мельницу формализма, позволяя под видом борьбы якобы за «художественное» качество выходящих, принижать, искажать, оплошавать коммунистические идеи, протаскивать чуждые взгляды. Разрыв этот летит воду также на мельницу людей, не желающих работать над формой, без чего нет писателя, не желающих учиться, всякого рода «сторонники» и любители дешевого успеха, которые пытаются прикрыть свое неуменье и нежелание работать над формой криками о том, что они «хотя немножко дерут, зато уж в рот хмельного не берут».

К разбору этой темы мы позволим себе вернуться в следующей переодой нашей газеты.

Первый год

Минут год. Для освобожденных народов бывшей Западной Украины он был величайшим и счастливейшим годом их истории. Ожили забытые, обреченные на полугодичное прозябание люди, у них появилась твердая уверенность в завтрашнем дне, возродилось чувство человеческого достоинства. Те, кого польская шляхта презрительно именвала «быдлом», стали строителями социализма, патриотами своей настоящей родины.

Неудивительно, что этот год необычайного роста самосознания трудящихся был также годом бурного роста культуры. Только в одном Львове открылось несколько десятков новых школ и техникумов, организовано несколько новых высших учебных заведений. Во Львове возникло не было постоянного театра, — теперь их четыре. Организована филармония, объединяющая несколько замечательных художественных ансамблей. Открыт Дом народного творчества. За восемь месяцев текущего года состоялось три выставки местных художников, а сейчас организована четвертая, посвященная дню великой революции. О многом можно было бы вспомнить, многое рассказать, но и перечисленное достаточно выразительно говорит о громадном внимании, уделяемом партией и правительством культурному строительству в новых городах и селах нашей страны.

Почувствовали эти внимание, теплоту заботы и писатели, живущие во Львове.

Случилось так, что помимо украинских писателей, живших здесь постоянно, во Львове собрался наиболее передовые польские и еврейские писатели Варшавы, Кракова и Познани. Это были растерянные, деморализованные войной бездомные люди, жившие до сих пор одиночками и плохо разбирающиеся в событиях. Их надо было организовать, им надо было помочь разобраться в происходящем, в новой обстановка, помочь им увидеть ту правду о нашей стране, которую так старательно скрывали от них польская статистика и ее прислужница — печать.

Уже в начале октября, через несколько дней после вступления Красной Армии во Львов, был избран Организационный комитет писателей г. Львова, в который вошли представители как украинских, так и польских и еврейских литераторов.

В настоящее время Оргкомитет объединяет 162 украинских, польских и еврейских писателя. Это очень большой литературный отряд. В него входят представители старшего поколения, как П. Карманский, В. Пацовский, М. Янков, С. Чарныйский; такие прозаики и поэты, как С. Турор, И. Вильде, И. Керницкий, В. Софоров, Ю. Шкрумеляк, Т. Бурлига, О. Гаврилюк, Я. Галан, П. Козляков, В. Шаин; известные ученые литературоведы, как академик К. Студинский, М. Возняк, Ф. Колесса и В. Шурат. Все лучшее, передовое, что было в польской литературе, теперь тоже входит в этот отряд. Здесь популярнейшая революционная польская писательница Ванда Василевская, здесь известные за пределами бывшей Польши Я. Курек, А. Руцицкий, Э. Шемплинская, такие переводные поэты, как Л. Шенвальд, А. Важик, Ю. С. Лец, Ю. Пшибиш, А. Пастернак, Ю. Пуграмент, М. Яструн; известные литературоведы проф. Т. Вой-Желевский, С. Василевский, Ю. Борейна и др. Еврейская литература представлена такими именами, как А. Кализна, Д. Кенгсберг, С. Ашендорф, Р. Грип, Я. Шудрих, Г. Вебер и др.

Свободное творчество

Этот год для писателей Западной Белоруссии был годом активного включения в общественно-политическую жизнь страны. С чувством огромной радости участвовали писатели в выборах депутатов от западных областей в Верховные Советы СССР и БССР, работали агитаторами на избирательных участках, писали очерки о произведенных в рабочих и красноармейских аудиториях. Это было полным выхождением гордости за свою родину, патристического чувства, гражданского долга. Писатели — новые граждане Советского Союза — органически включились в жизнь советского народа, в жизнь, которая на протяжении долгих лет была их надеждой, их мечтой.

Белорусские поэты Ф. Пестрак, М. Танк, В. Тавлай, Н. Тарас пошли работать в редакции районных и областных газет. Известная польская писательница Янина Бровневская, белорусский поэт Миклас Мащара — в органы народного образования, многие польские и еврейские писатели начали работать в школах, библиотеках, предприятиях и советских учреждениях. В этом выявлено глубокое патристическое стремление быть полезным обществу. И неудивительно, что в новых произведениях наших писателей мы почувствовали подлинное дыхание советской действительности, радость социалистического труда, любовь и преданность великой партии большевиков, вождю народов товарищу Сталину.

Именно результатом органического участия в жизни своей родины можно объяснить появление новых актуальных произведений польской писательницы Янины Бровневской, белорусских поэтов Максима Танка, депутата Верховного Совета СССР Филиппа Пестрака, Микласа Мащары, Валентина Тавлая, появившиеся новых патристических стихотворений еврейских поэтов Бишема Геллера, М. Кнапгайса, молодых белорусских поэтов Нины Тарас, А. Перса, Анны Новик, Софии Лисовской.

Огромное творческое воодушевление выявила среди писателей Белостока подготовка к ознаменованию первой годовщины освобождения от польских капитали-

стес и помещиков. Польская писательница Я. Бровневская написала повесть для детей «Путешествие мелкого грошика», в которой разоблачает прогнивший капиталистический строй бывшей Польши. Повесть переведена М. Танком на белорусский язык и уже выходит в печати. Новую повесть о бесправии женщины в условиях капиталистического рабства написала Елена Сельм. Много прине этот год молодым польским писателям и поэтам Ю. Равичу, Г. Добжинскому, Гловацкому, Набуду, Дегалу, написавшим ряд интересных повестей, рассказов и стихотворений.

Плодотворной работой встретили народный праздник еврейские писатели. В московском и миномском издательствах готовятся к печати книги белостокских прозаиков Э. Кагановского, М. Бурштына, Ш. Берлинского, «И. Округного», поэтов В. Геллера, М. Кнапгайса, И. Рубинштейна. Над большим романом из жизни рабочих-текстильщиков Лозин работает Иосиф Округный. Прозаик М. Бурштин, Ш. Берлинский, Д. Мичмакер, поэты Б. Геллер, М. Кнапгайс, И. Рубинштейн, И. Яносович, Д. Сфард, Ш. Жирман написали новые повести и рассказы, поэмы и стихи. Темы этих произведений — свободный рабочий труд, Сталинская Конституция, Красная Армия, благородность народов Западной Белоруссии великому Сталину за освобождение из-под ярма польских помещиков.

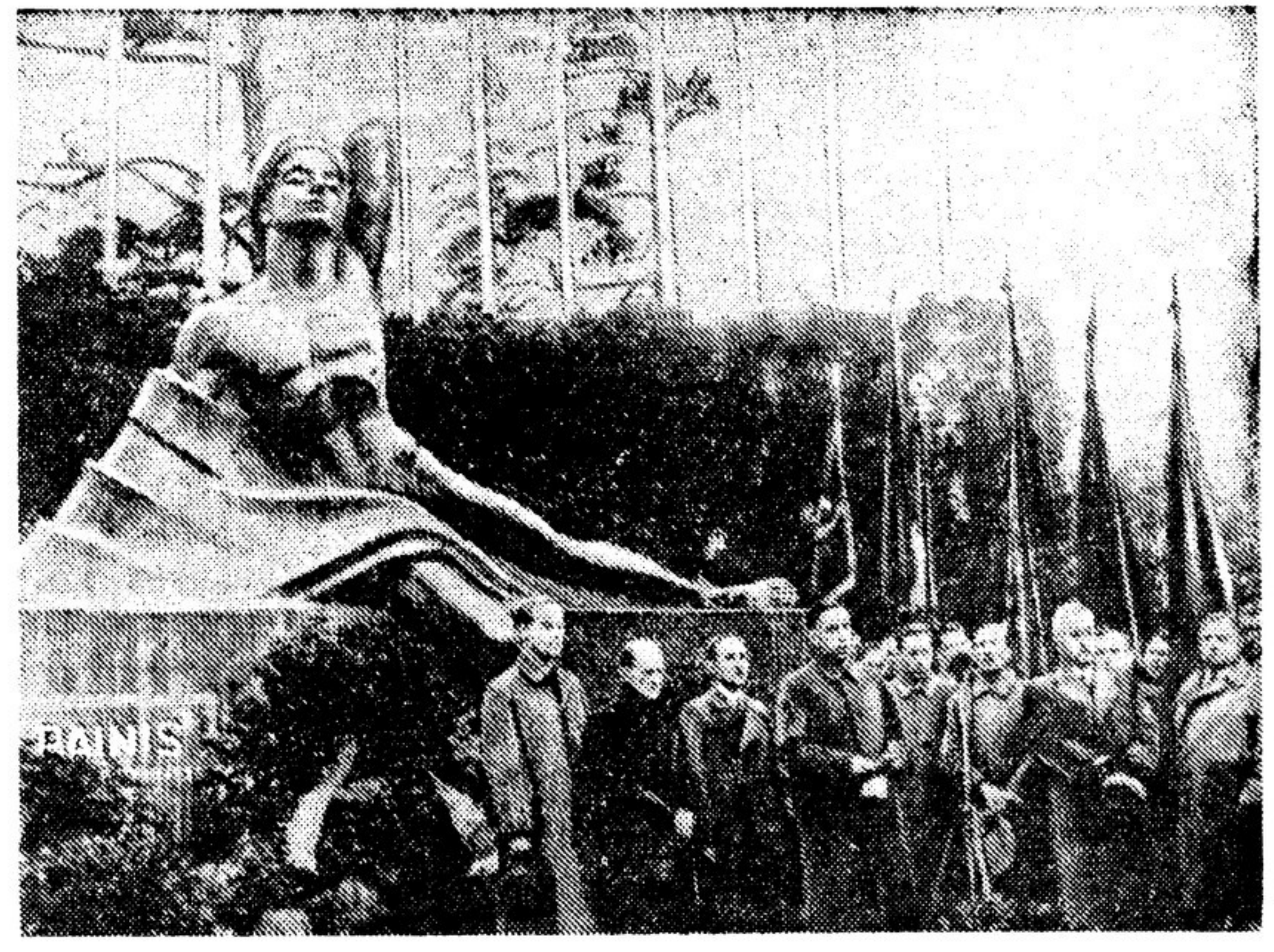
Интересные критические исследования об Адаме Мицкевиче, о Бергелсоне, советской еврейской поэзии, советском театре написали критики Генрих Вольде, Борис Марк, С. Дрейер.

Много дал этот год белорусскому советскому поэту Пимену Панченко, находящемуся в Белостоке в рядах Красной Армии. Участвуя в освобожденном походе в Западной Белоруссии, работая в редакции военной газеты, Пимен Панченко подготовил к печати две книги новых стихов, свидетельствующих о значительном росте, о творческой зрелости очень интересного лирика.

ВИТ. ВИТОВСКИЙ.

БЕЛОСТОК. (Наш корр.).

За неделю

Недавно трудящиеся Советской Латвии чествовали память великого поэта и революционного борца за свободу Латвии Я. Райниса. На снимке: митинг у могилы Я. Райниса. (Фото ТАСС).

В КОМИТЕТЕ ПО СТАЛИНСКИМ ПРЕМИЯМ

Первое пленарное заседание Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства состоялось 16 сентября в помещении МХАТ им. Горького. Председатель Комитета народный артист СССР В. И. Немирович-Данченко информировал членов Комитета о порядке обсуждения кандидатур на соискание Сталинских премий. Сталинская премия должна присуждаться не за лучшее из имеющихся, а только за выдающееся произведение.

Правом выдвижения кандидатов на соискание премии, помимо общественных организаций, пользуется и каждый член Комитета.

Все изобретения в области искусства направляются в Комитет по науке, военным знаниям и изобретательству.

В тех случаях, когда выдается несколько премий, возможно разделение премии.

Последний срок выдвижения кандидатур — 15 октября.

Для практической работы Комитет создал четыре секции — по литературе (поэзия, проза и критика), по театру и кино, по музыке, по изобразительному искусству и архитектуре.

Председателем секции литературы избран Алексей Толстой.

ПЕРЕСТРОЙКА РАБОТЫ ЛЕНГОСЛИТЦИДАТА

В Ленинградском отделении Союза советских писателей состоялось собрание актива, посвященное реорганизации Гослитиздата. С докладом выступил тов. Чагин.

— Прошла издательская практика, — говорит т. Чагин, — привела к засорению редакционных портфелей слабыми, несовершенными произведениями и принесла государству значительные материальные убытки. В сущности, судьба книги зависела от единоличного мнения редактора, не всегда чувствующего ответственность перед государством. Малоаквалифицированный редактор с легкостью подписывал в печать плохую рукопись, а хорошие произведения отвергались и много лет валялись в письменных столах Гослитиздата. В нашем издательстве, которое впрямь будет иметь дело с готовой рукописью, большое внимание уделяется проверке и укреплению кадров редакторов и рецензентов.

Все писатели, выступившие на собрании, подчеркнули государственную важность реорганизации Гослитиздата.

— Эта реорганизация, — говорит М. Слонимский, — налагает серьезные обязательства не только на работников издательства, но и на писателей.

— Кое у кого, — замечает В. Бялик, — создается неверное представление, будто бы сейчас роль Союза советских писателей в издании книг уменьшилась. Именно теперь несравненно увеличивается роль писательского коллектива, обязанного активно участвовать в апробации новых произведений, в обсуждении новых рукописей.

— В настоящее время, — указывает т. Дымшиц, — особое значение приобретает литературная критика. Над укреплением и улучшением критического участка следует призадуматься и секции критиков и всему Союзу писателей в целом.

— В литературном хозяйстве вводятся твердые порядки, — говорит И. Крафт, — Высокой частью для каждого из нас будет книга, выходящая в Гослитиздате.

Выступил также С. Марвич, П. Лукницкий и др. Многие товарищи заявляли, что сейчас, как никогда, необходимо отказать от поспешных и субъективных оценок произведений.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.).

С'ЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ ТУРКМЕНИИ

После трехдневной работы закрылся второй с'езд писателей Туркмении. На с'езде были приведены яркие факты развития туркменской литературы за последние годы.

Произведения туркменских классиков XVIII и XIX веков, не издававшиеся до революции, сейчас распространены в десятках тысяч экземпляров. С каждым годом тиражи их увеличиваются.

За последние два с половиной года количество членов Союза писателей Туркмении выросло с 7 до 31 человека. За два года издано 34 сборника стихотворений, рассказов, поэм. 25 сборников находятся в печати. В огромных тиражах издаются произведения классиков мировой и русской литературы.

Большой интерес с'езда вызвал доклад о народном творчестве в Туркмении. За последние годы записаны 2 тысячи сказок, 2,500 стихов, около 300 тысяч пословиц.

С'езд избрал правление и ревизионную комиссию Союза писателей Туркмении.

СОБРАНИЕ ЛИТЕРАТОРОВ ЛЬВОВА

15 сентября начался прием писателей Львова в члены Союза советских писателей Украины. На состоявшихся трех заседаниях президиума принято 58 человек.

Состоялось общее собрание львовских писателей, принятых в члены союза. На этом собрании избрано правление. В его состав вошли: Пётр Карманский, Ванда Василевская, Олесь Десняк, Ирина Вильде, Эльжбета Шемплинская, Степан Турдор и другие.

Правление союза наметило план подготовки к 85-летию со дня смерти великого польского поэта Адама Мицкевича и обсудило вопросы работы творческих секций. Вместе с жюри правление поведет итоги литературного конкурса на лучшую новеллу и пьесу. На конкурс поступило 71 произведение на украинском, польском, русском и еврейском языках.

ПЕРЕСМОТР РЕПЕРТУАРА ЗАПАДНОЙ КЛАССИКИ

Репертуарный отдел Всесоюзного комитета по делам искусств в настоящее время пересматривает все пьесы мировой классической драматургии и наиболее ценные из них отбирает для советской сцены. К этой работе привлечены крупнейшие специалисты-литературоведы и переводчики Москвы и Ленинграда. Особое значение придается включению в репертуар пьес, еще не переведенных на русский язык.

Уже заказаны переводы свыше 20 незаслужено забытых пьес XVII и XVIII вв., обладающих большими литературными и сценическими достоинствами. По большей части эти пьесы испанских, итальянских и английских авторов.

Впервые переведены неизвестные ранее комедии Лопе де Вега: «Девушка с кушину», «Ночь в Толедо», «Величайшая победа», блестящая комедия Кальдерона «В тихом омуте черти водятся», комедия Морето «Наша коса на камень» и Моретина «Когда девушка говорит да», итальянские романтические драмы из истории освобождения движения в 1848 г. — «Романтизм» и «Начало века» Роветта, маленькая драма Герта, английские пьесы: «Четыре олекуна» Сентилера, «Хитрый план шеголя» Фаркера, «Тайный брат» Кольмана, «Дон-Кихот в Англии» Филдингса.

Издательство «Искусство» подготовило в печати два новых сборника впервые переведенных испанских и английских классических пьес.

Сейчас начинается работа над западной драматургией с XIX века до наших дней. На-днях Комитет по делам искусств совместно с секцией переводчиков ССП провед совещание, посвященное методике отбора этих пьес.

Совещание единодушно признало целесообразность создания постоянных секций, изучающих драматургию отдельных стран.

Моральный облик писателя

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Союз советских писателей несет на себе огромную ответственность за идейное и художественное качество советской литературы, за творческий и политический рост писателя, за его моральный облик.

Если посмотреть под углом зрения этих важнейших задач на работу президиума, надо прямо сказать, что недостатков у нас еще очень много и недостатков существенных.

Хорошо ли мы знаем лицо наших писателей, а уже не говоря о большинстве, а хотя бы лучших художников слова? Занимаются ли президиум изучением того, какие проблемы волнуют писателя, что он приобщает к произведениям и произведения, какова его эволюция, в каком произведении он напущал главное в жизни социалистического общества, где он отошел от основных проблем современности и что было причиной этого отхода?

Нет, этого президиум не делал, а это необходимо делать, потому что мы знаем случаи, когда писатели начинают деградировать.

Мы очень сплоскоотносимся к так называемым молчаливкам. Мы совершенно сочувствуем им, оказываем за счет государства материальную поддержку, вместо того, чтобы выяснить, какова природа этого молчания, чем вызвана затихающаяся деятельность писателя, который проявил когда-то незаурядное дарование. Разве мы не знаем примеров молчания, за которыми таилась враждебность, неприятие советской действительности?

Ни большие заслуги, ни прошлая популярность, ни пролетарское происхождение

не отрягают писателя от того, что он будет отвергнут народом, если вскроется его гнилая сущность.

Работа президиума и партийной организации союза должна быть построена так, чтобы все нездоровые явления в литературе и писательской среде вскрывались самим руководством союза.

Советский писатель должен быть совестью народа, совестью партии, должен учиться стальной прозорливости, жить жизнью своей страны, не замыкаться в своем кабинете, не прятаться в касту «избранных».

Наряду с борьбой за высокое формальное качество своих произведений писатель обязательно должен ставить перед собой вопрос: чему я учу людей в моей книге или пьесе? Кого я люблю? Кому служу? За что агитирую?

Для того, чтобы писатель оправдал высокое звание «инженера человеческих душ», стал учителем жизни, — он не только должен хорошо знать эту жизнь, видеть самые глубокие процессы в ней, но все сознание его должно быть органически пронизано самыми лучшими, самыми передовыми идеями его времени.

В быту и в работе писатель должен быть образцом человека и гражданина, решительно покоящего в своем сознании со старой и вредной формулой: я — талант, и поэтому мне никакие законы не писаны!

Писатель, как никто, должен уважать и выполнять законы социалистического государства, помогать своим творчеством достичь эти законы до самой глубины человеческого сознания.

Идейный и моральный облик писателя должен быть настолько безупречным, чтобы никто из народа в ответ на призывы писателя к совершенствованию, к борьбе, а иногда и к жертвам не имел основания бросить ему хотя бы молчаливый упрек: «А сам то ты?»

У нас нет прямого, открытого, а когда нужно, и сурового разговора начистоту, а без него мы не сможем двинуться вперед, без этого работы не перестроим, не подымаем на тот уровень, которого требует высокая ответственность наша перед народом и партией.

Кастовая замкнутость, высокомерный взгляд сверху вниз приводит к тому, что мы проходим мимо опасных и тревожных симптомов в нашей среде, с одной стороны, и не замечаем немых, добросовестных и одаренных писателей из числа «неизвестных» и талантливой молодежи — с другой.

Отсутствие внимания к ним, архаичное пренебрежение задерживают рост тех писателей, которые могли бы выдвинуться. А слабость идейно-политической работы приводит к тому, что ошибки совершают даже самые лучшие, известные писатели. Остаться такими, как мы были до сих пор, нельзя больше. Нельзя ни на секунду забывать о том, какие грандиозные задачи стоят перед писателями Советской страны, как велика их ответственность перед лицом партии, народа и всего передового человечества.

Партийная организация союза не раз указывала на это президиуму, но президиум не имел достаточной связи с партийной организацией, не прислушивался к ее голосу.

Партбюро предлагало президиуму обсудить пьесу А. Габова «На чистоту», связав обсуждение ее с вопросом о том, как освещать врага, какое направление нужно дать произведениям такого типа, но и это предложение не было осуществлено президиумом.

Необходимо, чтобы коммунисты-литераторы, в первую очередь, и критики помогали президиуму бороться с вредными явлениями и ошибками в художественной литературе. Нужна крепкая идейная сплоченность в работе президиума, большая активность и политическая острота в постановке вопросов перед активом союза. Нужен прямой, честный, большевистский разговор об ошибках, кто бы их ни совершал. Нужна такая работа, которая могла бы предотвратить ошибки. Задачи, стоящие перед союзом в области идейного руководства литературой, должны одновременно сопровождаться систематической и последовательной борьбой за высокое художественное качество произведения.

Сейчас организуется университет марксизма-ленинизма для писателей, нужно, чтобы члены ЦСР со всей ответственностью отнеслись к этому делу. Писатель, не вооруженный передовой теорией Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, не может плодотворно работать в советской литературе.

Коммунисты-писатели и вся партийная организация должны по-большевистски помочь Союзу советских писателей в улачении его работы.

Г. КОРАБЕЛЬНИКОВ

Внимание к творчеству

Без постоянного внимания к произведениям советской литературы, без глубокого изучения книг и рукописей не может быть плодотворной работы Союза писателей. А вместе с тем этого как раз нам и не хватает.

Статья об Авдеенко была в «Правде» очень давно. После этого была вторая статья там же. А в президиуме Союза писателей обсуждался этот вопрос? Нет. Получилось так, что «творчество» Авдеенко это частное дело его «самого» и «Правды».

Почему так происходит? Потому что в президиуме Союза писателей есть такие товарищи, которые думают: пусть кто-нибудь разбирается в творчестве другого, а мне бы как-нибудь в своем разбираться.

Произведения писателей не читаются не потому, что материальные дела загружены безвыходно, а потому, что не было вкуса и аппетита к творческой работе.

Мне могут ответить: повольте, в Союзе писателей все-таки было обсуждение тех или иных произведений.

Да. Начнем с последнего — с обсуждения пьесы В. Катаева «Домик». Для того, чтобы вынуть культуру вперед, — утверждается в этой пьесе, — нужно идти всеми возможными путями, проделывать сомнительные трюки. Их-то и проделывает Персюков — «герой» авантюристической сказки. Малейшая попытка сказать об этом во время обсуждения пьесы пресекалась репликами.

Вместе с тем президиум проходил явно очень интересные и положительные материалы в литературе, не ставил в связи с ними важнейших проблем искусства.

Теперь все сошлись на том, что т. С. Шипачев, не так давно бывший в разряде второстепенных писателей, стал хорошим поэтом. Почему не было обсуждено в президиуме его творчество, почему не был поставлен вопрос о том, почему, что он внес в советскую поэзию, какое выражение он развивает, чем обогащает его творчество советскую литературу?

Возьмем другой пример. В «Красной звезде» напечатана прекрасная вещь — «В Уссурийской тайге» Емельяновой. Она, конечно, слабее произведений Пришвина, но в ней с большой искренностью и естественностью выражено новое отношение человека к природе. Почему бы не обсудить работу молодого писателя с этой точки зрения и не поднять на основе его произведения немаловажную проблему советской литературы?

Ни разу не был поставлен вопрос о мастерстве в художественной литературе, о соотношении формы и содержания на конкретных произведениях, вопрос о том, какой смысл мы вкладываем в это понятие, чего мы требуем от подлинного мастера.

Кстати сказать, слово «мастер» у нас стало слишком ходовым, его легко раздают направо и налево. Очень хорошее, например, произведение В. Гроссмана «Степан Колчугин». Но можно ли называть его, как это делает т. С. Гехт, «мастерски написанным романом»? Еще хуже, когда «Литературная газета» награждает званием мастера автора «Литяйской стены» — вещи, идейно совершенно мелкотравчатой. Не слишком ли мы либеральны и нетребовательны к высокому званию мастера в искусстве?

Партия и советская общественность уже не раз давали нам примеры провинциального отношения к советской литературе, пристального внимания к ее идейно-художественному росту.

Мы хотим от руководителей Союза советских писателей, чтобы они с такой же любовью, заботой и чувством ответственности за всю советскую литературу подошли к творчеству писателей. И тогда они в своей работе будут поддерживаться всеми честными советскими писателями, «большими» и «малыми».

В. КИРПОТЯН

О «среднем» писателе и о герое литературы

Одним из главных недостатков в работе Союза советских писателей до последнего времени было пеховое пренебрежение так называемыми «средними» писателями. Пеховые тенденции в работе президиума неизбежно вели к ошибкам в оценке литературных произведений, к замене общелитературного мерла мерлом частным, иногда опирающимся на индивидуальные симпатии к тому или иному автору. Между тем в литературе постоянно происходит выделение новых дарований, появление новых имен, вызревание ранее мало заметных дарований. Переделка для полного проявления таланта писателя нужен довольно длительный подготовительный период. Так было с Некрасовым, так было с Чеховым, так было и с некоторыми, хорошо известными теперь, советскими писателями. Поэтому в корне неправильны безаппелляционные приговоры, исходящие из ложной предосмысли, что имя рек тако-то является писателем «средним», и поэтому от него ничего хорошего не выйдет.

К тому же оказывается, что пеховый счет бывает подчас ошибочным. Бывает, что писатель, имеющий в узком кругу репутацию чуть не «классика», на самом деле, по произведениям своим не занимает такого центрального места в литературе. Ориентировка на общественное мнение всего союза, а главное на проверенные симпатии читателей дает возможность легче устанавливать истинное значение литературных произведений.

Пеховый счет неизбежно ведет к идейно-политическим и тем самым к идейно-художественным провалам в суждениях о литературных произведениях.

Человечество переживает самую решающую фазу в своем развитии. Быть глашатаям масс, оружием социализма, — боем почетной задачи нельзя себе представить для писателя и критика. Художественная литература не может влиять на читателя, если она не является художественной. Это аксиома, утвержденная еще Белинским. Между тем есть еще отдельные писатели, у которых слова «форма», «качество» вызывают чувство, похожее на испуг. Марксистская критика разбирает формализм, игнорирующий идейность и содержание, проповедь произвола пустой формы. Этих своих позиций мы не собираемся сдвигать и не садим. Разрыв искусства на будто бы независимые друг от друга форму и содержание не имеет ничего общего с любовью к искусству, к образу, к языку, к слову. Требования высокого художественного качества, предъявляемые культурно сознательными миллионами читателей, неразрывно связаны с требованием идейности в искусстве. Партия указывает нам, что главной задачей советской литературы является художественное воспроизведение советского человека, деятеля, строителя и борца, победителя в классовой борьбе в огромной стране, за один только этот год вырвавшего из капиталистического плена 23 миллиона людей! Это — большое, кардинальное требование, имеющее глубочайшее принципиальное значение. Смена больших литературных эпох всегда начиналась с изменением героя литературы. Дирло и Лессинг требовали, чтобы искусство перестало изображать королей и богов, придворных и знать. Они звали писателей, актеров и художников изображать людей третьего сословия, в их время ставших главными деятелями исторического развития. Чернышевский написал «Что делать?» как роман о «новых людях», о представителях разносторонней демократии, в его время отнесших на задний план переживших себя деятелей дворянской культуры.

Советские люди — сегодняшние хозяева жизни. Чтобы победить, они должны были проявить и проявили ум, волю, инициативу, энергию, любовь к массам, прияти через испытания и трудности, преодолев упорное сопротивление врагов. Враги были у нас отчаянные, шедшие на все, но «враги этих врагов», наши советские люди, оказались и сильнее их, и бесконечно ценнее по своим человеческим качествам. Это и должна показать литература.

К сожалению, не редки случаи, когда самые превратные представления, губительные для искусства, настойчиво проглядываются под видом продуманных рецептов художественного творчества. Так, Андрей Платонов в стихах, напечатанных в «Литературном критике» и «Литературном обозрении», следующим образом доказывает исчерпанность буржуазной культуры. В среде, изображенной Олдингтоном, «трудно...» говорит он, — не только всеерье походить кого-либо, даже Криспа, но даже зачать ребенка почти не от кого. Дело тут не в морали и в духе, тут и простой физик нехватает». Взгляды эти выглядели бы совершенно комически, если бы они не оказывали влияния на практику некоторых писателей, изображающих врагов рабочего класса и интеллигенции всяческой «физики». Между тем у буржуазии хватает «физики» и на организацию самых страшных войн в истории, и на самые отчаянные средства борьбы против рабочего класса и социализма. «Расправившись» таким образом с буржуазией, А. Платонов создает «философию», согласно которой и представители масс приходилось бы изображать, как людей, неподходящих, дряблых, вырождающихся. «Наличие классов господ и рабов, — пишет он, — ведет всякий народ к вырождению и к его конечному исчезновению». Известно, что антагонизм классов ведет к классовой борьбе, к пробуждению чувства собственного достоинства, воли и разума у эксплуатируемых, и возникновению — через революцию — новых общественных формаций.

Потому правдивость требует, чтобы передового человека современности, социалистического человека изображали не в «скудородном времени уродства», как выражается тот же А. Платонов, а таким, каким он является на самом деле. Советские писатели могут и должны создать образы, которые станут предметом любви, преклонения и подражания, подобно библейскому герою или Рахметову в прошлом. Вопросы формы и логики рассматриваются с точки зрения того, как литература выполняет свои идейные задачи. При создании образа нового советского человека вопросы качества, вопросы мастерства, совершенства выполнения имеют огромное значение. И ясно почему. Идея действительности, новые люди не только реально существуют, но и являются главным, господствующим и самым многочисленным социальным материалом искусства имеется налицо. Мало того, есть много книг, в которых новые советские люди выведены в качестве главных или побочных героев. К сожалению, люди эти большей частью выглядят в книгах медле, бледнее, менее привлекательно, чем в действительности. Вот пример, их сколько угодно. Иван Егоров — новый писатель, которого мы узнали по роману «Буйные травы». Тема его романа — коллективизация на Кубани. Знание жизни у него огромное, любовь его к положительным персонажам книги — неоспорима, но герой его не имеет поэтического обаяния, недостаточно совершенно написаны и поэтому не могут увлечь читателя. Михаил Шолохов — писатель огромной известности, книгами его увлекаются — и по заслугам. Однако образы коммунистов являются наименее разработанными, наименее совершенными в его книгах. Если бы коммунист Мишка Кошевой, такой же казак, как Мелехов, был выведен в «Таком Доне» с такой же полнотой и с таким же совершенством, как Григорий, каким бы он стал любимым героем читателя, и многие в романе стали бы яснее, многие читательских недоумений было бы снято!

Образы новых советских людей не могут быть созданы без любви к советскому искусству, к совершенству формы (взятой в неотрывной связи с содержанием) без заботы о качестве!

А. ЖАРОВ

Отношение к кадрам

Наша страна огромна, культурные задачи велики и многообразны, величье и многообразие этих задач должны соответствовать всей жизни и деятельности Союза советских писателей.

Нам нужно много хороших писателей, а для этого следует вести заинтересованную терпеливую литературную работу с нашими кадрами. Надо бережно воспитывать их, помогать расти молодым и старым. Нам нужны писатели выдающиеся, но нужны и просто хорошие писатели всех жанров, всех родов литературного оружия.

Отношение к литературным кадрам со стороны президиума Союза писателей со с тех пор было неправильным. Было высокомерное, пренебрежительное отношение, был забыт лозунг товарища Сталина о том, что «кадры решают все».

Нам следует освободиться и от балласта, если даже он и не так велик. Но нельзя большинство членов Союза писателей зачислить в балласт, как это пытались делать некоторые действительные и мнимые «мастера литературного пеха», не понимая ленинского положения о том, что литературное дело это часть общепролетарского дела.

Раз и навсегда нужно порвать с пеховыми предрассудками, с кастовой замкнутостью, с высокомерным отношением к «неизвестным» со стороны некоторых товарищей из президиума.

Нельзя сводить все критерии качества советской художественной литературы к

стиским качествам. Это и должна показать литература.

К сожалению, не редки случаи, когда самые превратные представления, губительные для искусства, настойчиво проглядываются под видом продуманных рецептов художественного творчества. Так, Андрей Платонов в стихах, напечатанных в «Литературном критике» и «Литературном обозрении», следующим образом доказывает исчерпанность буржуазной культуры. В среде, изображенной Олдингтоном, «трудно...» говорит он, — не только всеерье походить кого-либо, даже Криспа, но даже зачать ребенка почти не от кого. Дело тут не в морали и в духе, тут и простой физик нехватает». Взгляды эти выглядели бы совершенно комически, если бы они не оказывали влияния на практику некоторых писателей, изображающих врагов рабочего класса и интеллигенции всяческой «физики». Между тем у буржуазии хватает «физики» и на организацию самых страшных войн в истории, и на самые отчаянные средства борьбы против рабочего класса и социализма. «Расправившись» таким образом с буржуазией, А. Платонов создает «философию», согласно которой и представители масс приходилось бы изображать, как людей, неподходящих, дряблых, вырождающихся. «Наличие классов господ и рабов, — пишет он, — ведет всякий народ к вырождению и к его конечному исчезновению». Известно, что антагонизм классов ведет к классовой борьбе, к пробуждению чувства собственного достоинства, воли и разума у эксплуатируемых, и возникновению — через революцию — новых общественных формаций.

Потому правдивость требует, чтобы передового человека современности, социалистического человека изображали не в «скудородном времени уродства», как выражается тот же А. Платонов, а таким, каким он является на самом деле.

Советские писатели могут и должны создать образы, которые станут предметом любви, преклонения и подражания, подобно библейскому герою или Рахметову в прошлом. Вопросы формы и логики рассматриваются с точки зрения того, как литература выполняет свои идейные задачи.

При создании образа нового советского человека вопросы качества, вопросы мастерства, совершенства выполнения имеют огромное значение. И ясно почему. Идея действительности, новые люди не только реально существуют, но и являются главным, господствующим и самым многочисленным социальным материалом искусства имеется налицо. Мало того, есть много книг, в которых новые советские люди выведены в качестве главных или побочных героев. К сожалению, люди эти большей частью выглядят в книгах медле, бледнее, менее привлекательно, чем в действительности. Вот пример, их сколько угодно. Иван Егоров — новый писатель, которого мы узнали по роману «Буйные травы». Тема его романа — коллективизация на Кубани. Знание жизни у него огромное, любовь его к положительным персонажам книги — неоспорима, но герой его не имеет поэтического обаяния, недостаточно совершенно написаны и поэтому не могут увлечь читателя. Михаил Шолохов — писатель огромной известности, книгами его увлекаются — и по заслугам. Однако образы коммунистов являются наименее разработанными, наименее совершенными в его книгах. Если бы коммунист Мишка Кошевой, такой же казак, как Мелехов, был выведен в «Таком Доне» с такой же полнотой и с таким же совершенством, как Григорий, каким бы он стал любимым героем читателя, и многие в романе стали бы яснее, многие читательских недоумений было бы снято!

Образы новых советских людей не могут быть созданы без любви к советскому искусству, к совершенству формы (взятой в неотрывной связи с содержанием) без заботы о качестве!

Вл. БАХМЕТЬЕВ

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Главное внимание Союза советских писателей необходимо сосредоточить на трех вопросах: это — моральный облик писателя, это — коммунистическом и художественном воспитании его и это — типе союза, разумея организационную сторону дела.

По вопросу последнему писатели имеют неоднократные указания партии, нашего великого учителя товарища Сталина, и разрешается этот вопрос в том беспорочном направлении, что союз должен быть организацией, объединяющей больших и малых, родовых и не родовых, «известных» и еще «неизвестных» литераторов. Но при этом союз обязан обеспечить полностью, не на словах, а на деле, включение в свою разностороннюю, общественную и творческую работу широких писательских кадров.

Только широким строем, живыми силами всей организации союз сможет удовлетворительно разрешать задачи, очерченные в его Уставе: включение писателя в активное социалистическое строительство, пропаганда художественного творчества в массах, интернациональное воспитание писателей, содействие всемирному развитию братских национальных литератур, воспитание новых кадров.

Для всех этих вопросов и о том, что писатель — «инженер человеческих душ» должен являть собой примерный облик советского гражданина не только в своем труде, но только в общественной работе, но и в быту.

Писатель нашей страны, как один из передовых бойцов социалистического культурного фронта, обязан всем своим поведением представлять собою морально яркую личную силу и вести беспощадную борьбу в своей среде с тем, что является пережитками старого общества в сознании.

Но эти все вопросы, не исключая и тех, которые, на первый взгляд, касаются чисто литературных наших задач, мы сможем успешно разрешать лишь в том слу-

чае, если развернем по-настоящему, по большевистски, работу по идейному коммунистическому воспитанию писателя. Говоря о борьбе за качество произведений, мы обязаны прежде всего ставить вопрос о борьбе за высокий уровень культуры писателя. Но говоря о культуре, возможно ли не говорить об основном, ведущем, решающем ее содержании: о переломных знаниях нашей эпохи, о передовой ее философии — о теории марксизма-ленинизма?

Без вооружения этой теорией, без самого глубокого овладения ею нет культуры, нет и нет культуры, нет и не может быть ни советского ученого, ни советского технолога-практика, ни советского художника.

Вот почему читатель нашей страны требует от произведений писателя прежде всего тех качеств, которые немисимы, невозможны там, где в своем коммунистическом образовании писатель отстает даже от рядового своего читателя.

Как бы ни был даровит писатель, какими бы средствами своего мастерства он ни обладал, ничто культурная, беспомощность в области мировоззрения, рано или поздно, обнаружат себя.

Можно спорить в бесконечных пределах литературной технологии, добываясь «совершенства» в мастерстве, но прерывать этой работой свою культурную нишу никому не удастся: рано или поздно, катастрофа разразится, и — чем позже (скажем, на одном пятом листе «собрания сочинений»), тем плачевнее будет положение такого «инженера человеческих душ».

Если в иных профессиях иному работнику еще удается скрывать порою от контроля общественного свое невежество, свою культурную беспомощность, то это никак не удастся писателю, чья вся работа концентрируется на базе большого жизненного опыта и больших знаний.

Нелепо оспаривать или даже недоуничтожать необходимости для писателя любить слово, работать над ним, шлифовать оной язык, вообще неустанно трудиться

над формой своих произведений. Но ни в какой мере этот труд не исключает работы над мировоззрением. Более того — мировоззрение писателя определяет и самый успех или неуспех его работы над стилем, языком, словом. Вот этого-то простого положения и не понимают некоторые художники слова. Вернее — понимают-то они понимают (где же найти такого непонимающего чулака), но по какому-то, часто немалому им самим, мотивам не желают мириться с приматом идеологического воспитания над художественным воспитанием, являющимся лишь одним из обязательных сторон культуры писателя.

Иногда серьезный советский писатель, рассуждающий на прочное внимание своих читателей, страстно отстаивает право работы над качеством произведений, позволяя себе заметить: никто вашего права не оспаривает, но нас интересует, что же, собственно, вы разумеете под качеством?

Если на этот вопрос писатель, серьезный, имеющий все данные, отвечает читателю так, будто «самым мучительным, первым, главным, самым страшным», захватывающим все произведения его бытия вопросом был и есть вопрос о том как рассказать, как написать, читатель вправе отнестись к такому высказыванию без должного доверия.

В лучшем случае, читатель будет считать, что, говоря о «как написать», писатель подразумевает решениями для себя все вопросы о том, что писать, о чем рассказывать, какие черты и явления действительности перекликаются с упованиями и художественными данными писателя. Словом, на хороший конец, читатель будет полагать, что писатель вполне разрешен в своем сознании корпорный вопрос об отношении его, художника, к действительности. Но, в таком случае, почему же вы не говорите об этом, главное? И можно ли вообще рассуждать о стиле, не затрагивая проблем содержания, свая все понятие качества и стиля к языку, утверждая, как это делает, например, т. Федин, что «основное стиля, его душой является язык».

Допустим, что т. Федин позволил себе некоторую гиперболичность выражения, условность выражения ради вышней убедительности мысли. Но и тогда, обращаясь к молодым писателям, которые-де «обязываются заниматься языком» (чтобы не быть зачисленными в пурсты, в снобы!), т. Федин обязан был ввести молодых в более широкое понятие о языке, в круг социальных функций его, в органическую связь его со средой, с миром более высокого порядка, чем только ритм, мелодика, словарь, композиция». Пригласив молодых писателей к работе над языком, над словом, мы ни на один момент не должны скрыть от них, что голая, отвлеченная работа над словом и формой неизбежно приведет их к формализму, что лингвистическая сознательность пишущего предопределяет высокую культуру языка, а эта последняя, как и вообще воспитание подлинного лингвистического вкуса, немисима без общей культуры пишущего, без освоения разнообразнейших знаний века и, прежде всего, без освоения знаний всех знаний — теории Маркса — Ленина — Сталина.

И те страстные приверженцы работы над словом, которые не позволяют считать с тем работ, без которой невозможны были бы никакие лингвистические завоевания: он знает не только то, как рассказать, но и то, о чем рассказывать, не только то, в какую форму облечь творческие свои раздумья, но и то все, что разумел А. П. Чехов, говоря о писателе «обязанном, закон-трагическим сознанием его долга и совести».

И вот об этом-то, первом, самом главном, охватывающем полностью «все проявления его бытия», писатель и обладал, прежде всего, рассказав молодой.

Каждая строка

Для начала — рассказ, заключающийся в себе сожалею о неблагоприятном поступке, совершенном автором статьи. Взялся я как-то выполнить заказ одного московского издательства, затеявшего выпустить толстый том спорных очерков. Братья-писатели хорошо знакома эта картина: внезапно по ли иное ведомство забавляет желанием увидеть себя отраженным в художественной литературе. Легкий банкет, тяжелые речи, папка договоров, предложенных паспех собравшимся литераторам. И несмотря на то, что все отлично понимается — ничего путного не выйдет из этих безгласных встреч и зарисовок и такая книга читателю не нужна, а нужна только ведомству, заблуждающемуся в своих взглядах на литературу, некоторые литераторы все же принимают за дело, подавая в себе неприятное ощущение двойного обмана — читателя и самого себя.

Случилось, что в число «некоротких» попал и я. Два очерка написаны, приняты, оплачены. Хуже всего, что я понимал: очерки эти не есть очерки, а суррогат, что-то поверхностное и недооцененное. Но продолжая заблуждаться, я сообразил так: «Ничего, моя литературная репутация не будет затронута, так как эту книгу никто не станет читать. Зачем волноваться?»

Так и было, то есть когда книга вышла, то оказалось, что здесь, в литературной нашей среде, никто в нее не заглянул, даже сосуществовая в ней авторы не читали друг друга.

Преступление, однако, не осталось без наказания. Прошел год, я возвращался домой из Севастополя. Сидела со мной в одном купе молодая пассажирка, багажница севастопольского вокзала. Когда мы познакомились, я узнал, что моя имя ей известно. Я был весьма польщен: оказывается, она меня читала! Перечисляю несколько названий моих повестей, рассказов, статей.

— Нет, — отвечает багажница, — нет, нет...
— Что же именно в таком случае?
И, к невероятному моему стыду, я узнал, что она знает только те два моих очерка, которые... Оказывается, ее прерывали эти книги, и она читала ее несколько раз — с полным доверием, не подозревая, что есть литераторы, которые иногда небрежностью относятся к своему труду.

Печальная история! И вот, оглядывая нашу литературную нишу, я с грустью думаю о том, как можем мы мириться с таким положением, когда литератор, полным голосом выступающий в так называемых солидных изданиях, позволяет себе что-то промалывать в одну десятую голоса на страницах журнала или газеты, которые, по его мнению, являются боковыми, «для бедных» и т. п. Как можем мы мириться с неуважением к собственной строке — написанной и подписанной? Приходится иногда читать высказывания по тому или иному вопросу известных писателей и удивляться, как каким серым слогом вдруг стали писать мастера. Потом с огорчением узнаешь, что за всех писал один репортер, а писатели, чьи имена уважают вся страна, легкомысленно поставили свои подписи под набором общих фраз, состряпанных заурядным репортером. Как это можно терпеть?

И отчего иной поэт, порой талантливей, с заслугами, отдавший в почтенный журнал настоящие стихи, снабжает Музигу дешевым говором? Разве в популярном песнях Светлова мы видим

Клеветническая пьеса

О пьесах Леонида Леонова писалось немало. Каждая из них неизменно вызвала разноречивые суждения. Так было с «Половчанскими садами», так было с «Волком». Одна составляющая леоновские сады — с чеховским («Винченцо садом», засыпая (очевидно, по ботаническим признакам) в число перворазрядных явлений искусства; другие целиком вычеркивали эту пьесу из драматургии. «Волк» один сочувствием в жанре психологической драмы, в то время как другие отрицались к пьесе резко отрицательно.

Разногласия не мешала, однако, судьям находить какую-то привлекательность в юрдовском стиле драматурга. Спектакли проваливались, зритель не желал смотреть «Половчанские сады», а зрелищные театральные критики продолжали свое: Леонов — своеобразный драматург, у него своя манера.

Подчеркивание «творческой самобытности» Леонова в разных вариантах повторялось вновь и вновь, как только появлялись в свет его новые пьесы. Стало обязательным в первую очередь говорить о символизме, об активном участии природы в разыгрывающихся на сцене событиях, о многозначном подтексте... Настоящих мнений мешало привычному истолкованию содержания, а кроме того, давало искаженное представление о стилистических приемах. Словесное волкование приносилось за афористичность, двусмысленности — за символизм, сомнительная философия и политически вредные мысли — за красоты языка.

Расшифровка и выяснение идейного содержания созданных Леоновым образов, проникновение в духовный мир, в «святой святых» его произведений были затруднены. И даже совершенно недвусмысленно выраженные пошлости воспринимались почему-то как инновации, несмотря на то, что в них содержалась едва прикрытая клевета.

В разговоре со Степаном Катерица изрекает:

«Несовершенные преступления еще ужаснее совершенных».

Какой «глубокомысленный» афоризм! Сарнион сватается к Зиночке. Происходит «трагическое» объяснение:

«Сарнион, девушка будете или просто так ждете?»

Зиночка (рисая пальцем узоры по клеенке). Не знаю, как сказать про себя. Ничего в жизни моей не состоялось.

Сарнион. С чего бы это... по хворости, что ли, какой?»

Нам не приходилось слышать, как организаторы объясняют в любви. По всей видимости, они более нежны и стыдливы.

И в этих словах искали какой-то многозначительный подтекст. К чему он? Хватит и текста. Только эпатированные леоновской словесностью люди могут равнодушно пройти мимо подлинного смысла приведенных цитат.

Над такой вредной политической пошлостью «ценители прекрасного» часто выискивали трагетные обозначения: «Половчанские сады» — пьеса о силе жизни, сознании; тема «Волк» — бдительность. А по поводу «Метели» два печатных органа с редким единодушием заявили:

«Тема «Метели» — это проблема моральной чистотности людей, это пьеса о чести и мужестве» («Советское искусство» от 18 мая 1940 г.).

В другом органе мы читали: «Да, это пьеса о чести и мужестве советских людей...» («Театр» № 4, 1940 г.).

Откуда взялись эти слова? Из подтекста? Но что такое подтекст? Можно ли его рассматривать как нечто, вроде невидимого шлейфа, который волочится за текстом и который можно уловить и укорачивать по вкусу? Говорят, это сложнейший элемент текста, производящий острое впечатление, эмоциональное развитие слова, предмета, поступка, действия, какие зритель слышит, видит, воспринимает. Вернее всего, подтекст надо рассматривать как общий вывод из произведения; вывод, не сформулированный, но

подразумеваемый, выраженный специфическими средствами драматического искусства. Мы знаем, чем сильнее художник, тем шире и глубже подтекст, тем труднее его поэтически фантазировать переделкой и характеристикой. Чеховская драматургия — идеальный образец подобного рода искусства, в котором текст умножается в десятки раз, каждое слово «золушечка» свет, порождает у слушателя и зрителя множество ассоциаций, впечатлений, общих выводов. Нам больше всего интересуют последние, то-есть плод фантазии драматурга, а не оболочка, в которой заключен этот плод. Нам важны общие идеи, суммированный вывод из всего произведения.

В леоновском произведении и оболочка гнилая, и плод червивый. «Метель» полна недомолвок, намеков, слов и предположений, заставляющих слушателям изображением героев. Все как будто многозначительно. И вместе с тем — фальшиво, подтасовано. За внешней положительностью кроется враждебность, за «объективностью» изображения — клевета на объективную действительность.

Как изображает Леонов в «Метели» своего главного героя, Порфирия Сырварова? Это вот еще на сцене. Он, как призрак, бродит под окнами. Его имя в устах. В конце второго акта слышим, как за сценой кто-то вытирает ноги, на двери возникает длинная тень, потом исчезает. Идет длинная подготовка к встрече центрального героя. Режиссер других персонажей постепенно облекает этот загадочный образ в плоть и кровь. И когда в третьем акте, заполняя собою черную прямоугольную дырку, появляется выскочка человек с черной повязкой через глаз, мы знаем уже, что Порфирий — бывший белогвареец. На нем клятым проклятия лежит измена родины, семье. На-за него мучается дочь, страдает жена, терзаются родные.

Плотно преступление распознали, как чернильная клякса на промокашке, запачкал ни в чем не повинных людей. Леонова очень много героев, но советские персонажи его пьес различаются главным образом по величине этих самых пятен. У одних они гиперболически размеров, у других — с гривенник, совсем маленькое пятнышко, — но, как приличный репей, они сопутствуют героям в их жизни.

Сия мрачная, пристанствующая философия пронизала все пьесы Леонова. И в «Волке» и в «Метели» он с явным удовольствием копошится в грязи. Лаврентий Сандуков, скитавшийся по миру из страха, что его прошлое повредит детям, его сын Лука — «волк», диверсант, преследуемый по пятам, Ксения, скрывающаяся, что ее отец — поп, а брат — отъявленный враг, Рошин — муж Ксении, обманывающий ее с Еленой, наконец, сама Елена — невеста Луки, ставшая любовницей Рошина, — какое сложное переплетение тайн, измен, мелких и крупных преступлений и преступлений. В «Метели» же люди с пятнами. Но здесь мотивы возмездия и страдания сплетаются с мотивами искупления и всепрощения. И «чистым» становится человек, приехавший с той стороны, из-за границы, Блудный сын — Порфирий Сырваров — возвращается в лоно семьи с переяркой через глаза. Переярка — символ очищения от скверны. Библийские проблемы разрешаются согласно библийской премудрости! Порфирий, любимый сын Леонова, становится чисте всех.

Авраам родил Исаака, Исаак родил... Леонов всюду выискивает родственные чувства и связи, вкладывая в них подпольный, «символический» смысл. Калека Исайка из «Половчанских садов» — сын изминика Пылаева: от плохого семени — плохой выход. А вот у садовода Макашевцева сыновья — богатыри, бисеры. Поднявшие голову крови, бывшая под Лаврентий возмещает из марака, на общественном небытии, чтобы открыли любимых чад от Луки. Семья Сырваровых в «Метели» — путь всего порождя клановой честию и нарушение патриархальных обычаев воспринимается как потрясение основ общности. Родственные интересы — превыше всего; общественные устремления относятся на второй план семейным, кровными побуждениями.

Естественно, что герои, живущие в созданных Леоновым допотопных условиях, и ведут себя должным образом. Их поведение руководят не убеждения или осознанное состояние, а предчувствие (Елена, Катерина), биологические инстинкты (Лаврентий), интуиция и каляка-подмучивающаяся «дутиная» прозорливость (Марфа). Ясность взглядов насует перед силой привычки, а иногда и суевериями.

Что означает «символизм» Леонова, можно угадать в образе Марфы. В прошлом она — участница гражданской войны. Это человек твердых убеждений; ее уважают и любят, ее осуждения боются, как огня, ей повинуются все как старшей. Она — самый лучший человек в семье Сырваровых, ее совесть — моральное зеркало, в которое смотрятся все другие. И вот эту совесть Леонов ослепляет, делает призрачной на этом свете. Вот что происходит с самым «положительным» образом пьесы.

Эту, издевательскую шутку продвигает Леонов над всеми своими «положительными» персонажами, изымаясь над ними, надевая отвратительными чертами. Стремясь, якобы, к «красочности» образов, драматург под видом чистых советских граждан выводит на сцену какие-то ветховетские фигуры, людей из архаичных времен; обитателей старообрядческих ситов выдает за колхозников. И дело не только в том, что он надевает их давно вымершей ремень, но в самом образе героев — в их поступках, во взглядах, характерных чертах.

Показательно, как «оригинальничает» автор, пользуясь своими «художественными» приемами, обезображивает советских людей. Орденосец Лизавета при первом появлении покрывает своей мужественностью и ядреной красотой. В «Некоротких» замечаниях для исполнителей роли», приложенных к пьесе, автор так пишет: «Властная красота, большая страсть и такой же душевной добротой. Наверное, в юности была вожаком игр, хоронил и всяких шумных преледов. Ей нравится казаться суровой, иногда ей это и удается. Умеет читать человека взглядом, ее никогда и никому не удавалось обмануть. Она из тех, что до самой смерти остаются молодыми. Сарнион привлекает к ней какая-то ловкая, несмотря на полноту, бабья статность. Одетя пестрит и, куда бы ни пришла, всюду приносит с собой нарядный, праздничный переполох. И только перед Марфой робеет, как девочка».

Получивший образ. Как хочется видеть Лизавету именно такую, полюбившей ее. Увы! Через несколько минут после знакомства с этой представительницей рода Сырваровых нас постигает разочарование, ибо мы видим довольно пошлую бабу балаковского возраста. Автор «снимает» одним ударом всю привлекательность; все краски блекнут, все гаснет, не успев разгореться. Подстаив Лизавете и ее спутники. Приехавшие с нею колхозники Теткины — самцы с весьма развитыми умственными способностями. Их отношения к Лизавете до измерения примитивны!

Одним махом Леонов убивает трех героев, Теткины — и дядя и племянник — так просто пропихивает «идиотизмом деревенской жизни», что за пьесу становится больше и стыдно. Неужели два революционных десятилетия пронеслись где-то далеко-далеко, не затронув их думные характеры, оставив этих колхозников интеллектуальными недорослями? Да колхозники ли это? Нет! Ничего общего с колхозниками Теткины не имеют. Ложь это, пасквиль!

Близкое знакомство с драматургией Леонова героями Л. Леонова, с «идиотизмом» его пьес приводит к выводу: восстание «добраго начала» у него слабосильно, немощный духом, тогда как люди с большими и малыми пятнами наделены кремевыми характерами, последовательностью мыслей и поступков, цепкостью ума. Пусть они искромсаны жизнью, живут грязными идеями, пошлыми интере-

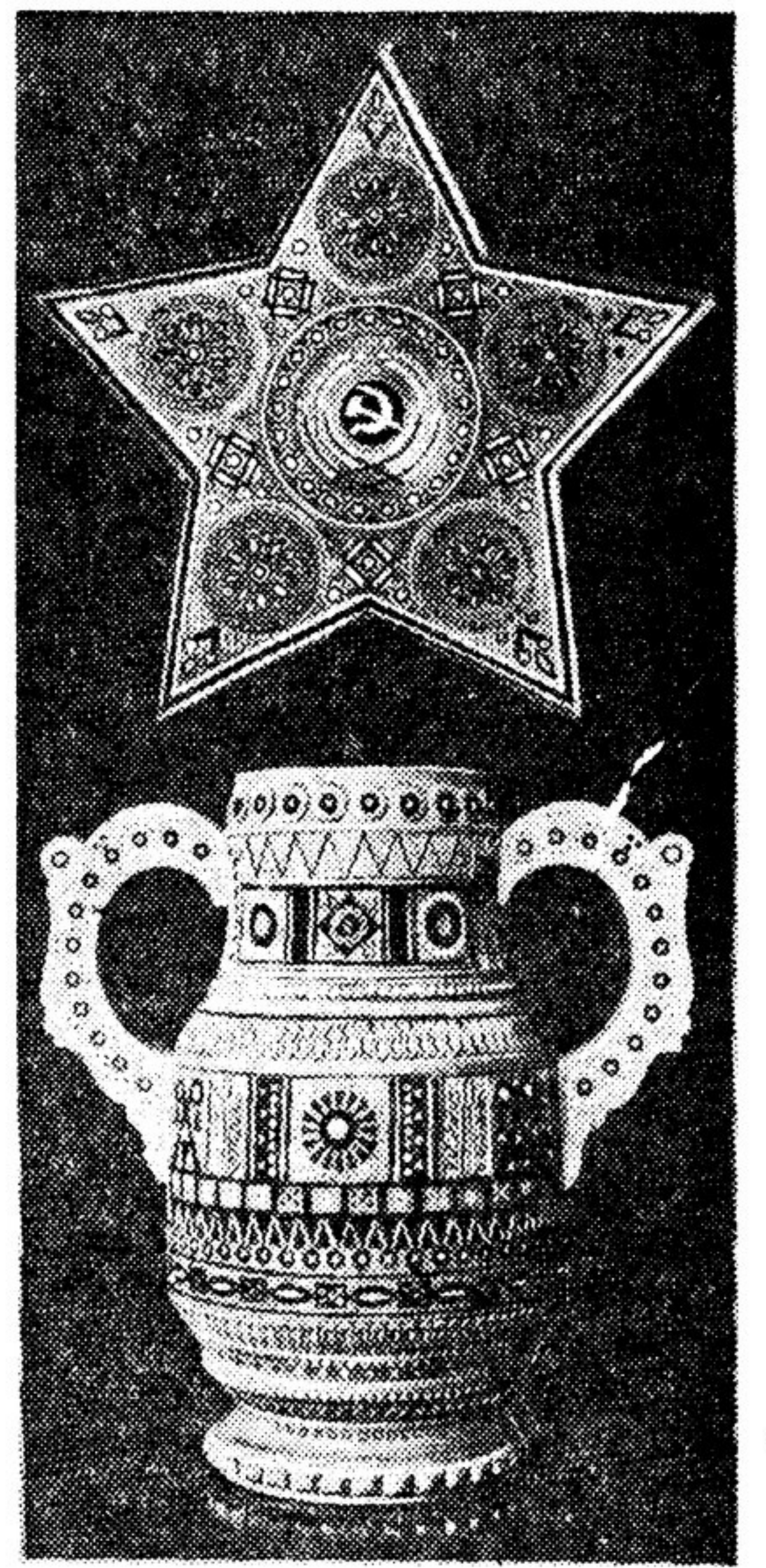
сами, отвратительными преступностями, по опп живут, тогда как люди чистых помыслов и чистых дел только присутствуют в жизни. Им драматург Леонов отказывает даже в слове. Потахов не «Метели» проносит всего несколько фраз, появляясь в пьесе как необходимый для развития атрибут спянического действия. Сарнион Теткин только тем и занимается, что обобщает престарелых дев оладистой болотой. Фома Кукучев поражает всех своими усмашами. Ослепленная Марфа ходит, как святая игуменя, снимая прегрешения. Леонов выталкивает этих людей из жизни. Кому они нужны? Вот Порфирий — другое дело, говорит он.

Почему для мятущихся, похотливых, смердяковствующих типов Леонов не желает ни масти, ни акварели, а Остаевич и Низометовых небрежно затупевывает? Почему хорошие люди изображены маленькими простыми или мизантропированными подлинными, а их враги — дальновидными, культурными, решительными и тонко чувствующими сверхчеловеками? Потому что Леонид Леонов любит, прощает, милует Порфирия Сырваровых и презирает Марф и Лизавет.

Не свидетельствуют ли такие «творческие» приемы о крепкой привязанности драматурга к захлому миру низменных страстей и затененных чувств? В «Метели» эти привязанности видны наиболее ясно. Скрытые за ее символическими образами советской действительности, а вся система образов покоится на извращенном, перевернутом представлении о ней.

И какими оригинальными, художественными приемами ни была бы сфобркована эта клевета, она остается явственной клеветой на советскую жизнь, на наше общество, на тот мир, который построили, в котором живут и который любит советские люди.

ЭКСПОНАТЫ ГУЦУЛЬСКИХ МАСТЕРОВ НА ВСЕСОЮЗНОЙ СЕЛЬХОЗХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫСТАВКЕ.

Деревянная резная с инкрустацией звезда, выполненная резчиком-самоучкой Дмитрием Рыбчуком (село Яворово, Станиславской области). Деревянная резная с инкрустацией ваза работы Юрия Корпанюка (артели «Гуцульщина») Фото В. Лятява.

В ПОСЛЕДНЕЕ время мы все чаще и чаще встречаем на страницах наших газет имена Тимошенко и Маркаренко. Маршал и педагог, полководец и инженер человеческих душ... мне кажется, что в этом союзе заключен глубокий смысл происходящего. Новый погем энергии, с которой народы СССР призывают и готовят свою молодежь к испытаниям великих грядущих битв, идет под знаком обобщения понятий силы и нравственности. Отчеты о воинских занятиях, дискуссия в «Учительской газете» о методах воспитания школьников, статьи о новых формах и содержании работы комсомола, резкая критика фильма «Закон жизни», новые правительственные указы, направленные против распущенности в быту и на производстве, выступления г. Калинин, собранные в книжке «Вопросы коммунистического воспитания», любовь, труд, война, школа...никогда еще кажется столь разные стороны общественной и личной жизни молодого человека не были так тесно и так наглядно связаны единством цели, как сейчас. Это одновременно и взаимно в вопросах, непосредственно касающихся производственности труда, воинского дела, и в вопросах этических, просветляет из глубокого понимания той истины, что высокие нравственные качества человека представляют собой огромную действительную творчески-производительную силу. Эту близкую и необходимую нам мысль определенно и как бы сегодня выразил К. Тимирязев в своем очерке о Дарвине.

В борьбе, в состязании, — заявляет он, — успех настолько же зависит от материальной силы и умственного превосходства по отношению к врагам, как и от нравственных качеств по отношению к своим... Общество эгоистов никогда не выдержит борьбы с обществом, руководящимся чувством нравственного долга. Это нравственное чувство является даже прямой материальной силой в открытой физической борьбе. Казалось бы, что человек, не стесняясь никакими мягкими чувствами, действующий простор своим зверским инстинктам, должен всегда одолевать в открытой борьбе, и однако на деле выходит далеко не так... Марксовское понимание вопросов морали, ее происхождения, смысла и значения в жизни человека решительно отвергает все идеалистические категории, которыми опутывалось и удавалось естественное самозанятие человека. Как бы ни назывались высшие нравственные идеалы или законы в прошлом: бог, субстанция, дух, вечная идея справедливости, добра

Нравственность и искусство

А. ГУРВИЧ

и зла, — все это в конечном счете привязало человека к служению абстрактной идее. Это была мораль, призывавшая защищать эксплуататорские интересы и тягучими трудностями людей на путь не только самообмана, но и самообкрадывания, потому что она шла вразрез с естественным стремлением физических и духовных сил человека к развитию. Во всех своих разновидностях она звала к смиренности, к аскетизму, к пассивному замкнутому самоусовершенствованию, к морали во имя морали, к чистоте во имя чистоты, т. е. к некоему потустороннему идеалу. Такая мораль, претендующая на то, что она первородна и абсолютна, что она старшее человечества и бессмертна, может в полном соответствии со своими претензиями быть названа античеловеческой, обесчеловечивающей.

Коммунистическая мораль ставит перед собой задачу, прямо противоположную. Абстрактно-этические категории добра и зла коммунистическая мораль заменяет конкретными земными критериями. Созидательные, производительные силы отдельного человека и общества в целом, развивающиеся этих сил, их развитие и направление, предиктивное конкретными историческими задачами — вот что является и первопринципом и конечной целью истинно высокой морали, которая только в социалистическом обществе становится господствующей. «...Наша нравственность», — говорил Ленин, — получила вполне интересам классовой борьбы протаргариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата». «Нравственность» служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуататорского труда».

Нравственность подчинена, выводится, служит... Ленин настойчиво повторяет и подчеркивает эту производность и зависимость нравственных устоев от практических, революционных задач, выполняемых нашим обществом. Нравственность диктуется условиями борьбы за новое общественное устройство, она призвана сделать нас более сильными и обиденными, и только для этого и только поэтому вообще существует. Коммунистическая нравственность есть оружие борьбы.

Эта мысль последовательно проходит во всех высказываниях товарища Сталина о

нравственных качествах человека. Если мы не живем безобразно, бездушного отношения друг к другу, то «будем крепить на обе ноги», если научимся ценить и выращивать людей, как самый ценный из всех имеющихся в мире капиталов, то «наша страна будет непобедима». Хромать или быть непобедимым.

В своем обращении к студенчеству в 1925 году товарищ Сталин указывает, что механика убогий и рутинная являются гирей на ногах у науки и что «на полное и свободное научное творчество способны лишь новые люди, свободные от этих недостатков».

Опять, как видим, прямая и непосредственная взаимосвязь нравственных качеств человека и его творческих возможностей. Механизм, т. е. нравственная ограниченность и уродливость рассматриваются не с точки зрения «независимых» и «неутилитарных» принципов всеобщей и потому ничего не говорящей морали, а как тормоз в движении, как гиря на ногах у науки.

Творческий подход к оценке личных качеств человека заключен и в сталинской характеристике Ленина. Простота и скромность названы здесь одной из самых сильных сторон Ленина.

Характерно, что для восхваления этой ленинской черты товарищ Сталин пользуется словом сильная.

Когда мы говорим о душевной красоте человека, о чистоте и богатстве его чувств, то мы только тогда правильно применяем эти слова, когда понимаем под ними духовную мощь человека, деятельные силы его души, т. е. его готовность и умение вести активную борьбу за построение коммунистического общества.

Правильное понимание происхождения и роли нравственных принципов общности необходимо. Оно дает возможность полное осознать, в чем же заключается прелесть, заманчивость, увлекательность коммунистической морали. Ведь эта мораль впервые и в отличие от всех религиозных, идеалистических или полудеалистических толкований нравственности адресуется не к самой себе, как мораль, выведенная из

извольной и названной. Удивительно глубокое определение их различия дает К. Маркс в своих «Заметках о новейшей прусской цензурной инструкции».

«...Скромность гениев состоит вовсе не в том, в чем состоит язык образованных людей, не в отсутствии акцента и диктанта, а, наоборот, в акценте, свойственном предмету, и в диалекте, соответствующем сущности его. Она требует забыть скромность и нескромность и сосредоточиться на самом предмете. Скромность духа вообще — это разум, та универсальная терпимость, которая относится к каждой вещи в природе так, как того требует основной характер ее».

Забыв скромность и нескромность в сосредоточиться на самом предмете — такова скромность гениев. В этих словах заключено самое главное. Познательная и созидательная деятельность пытливого ума всегда окажется сильнее честолюбия, тщеславия, позерства. Тот, для кого цель и процесс борьбы (познания, творчества) представляют наибольший интерес, кто поглощен своими изысканиями, кто посвятив себя своему делу полностью, без остатка, — у того, очевидно, не остается ни времени, ни места, ни стимула для самооблаживания и тем более самолюбования. Он прост и скромен потому, что занят, потому что увлечен своим делом. В тот момент, когда человек начинает творчески мыслить, он неизбежно становится скромным, потому что мыслить творчески значит уступать место истине.

А отсюда и все находки гениев, их головокружительные победы, отсюда и открывающаяся им истина, которая «так же мало скромна, как свет». Таким образом, мужество ума, дерзкий полет фантазии, новаторство, отвага, размах, яркость в любой области человеческой деятельности не только не терпят ущерба от скромности, но, наоборот, нуждаются в ней и сами непосредственно ее порождают.

Такая скромность противоположна и враждебна «презвистой самоограничительной» форме деятельности человека, она естественно и неизбежно возникает как прямое следствие свободной и полной отдачи всех сил человека на достижение поставленной им перед собой цели.

Не только скромность, но и такие черты человеческой натуры, как упрямство, на-

1919 — 1939

Я сидел в концентрационном лагере на Домуо уже четвертый месяц. Тяжело было на душе. Я тосковал по свободе, по родным, по работе. А таких, как я, было в лагере около десяти тысяч. Больше всех тосковали те, кто привык целыми днями — весной, летом и осенью — обрабатывать землю.

Скука и скука! А солнце пекло, как безумное. Что ж, на то и август, чтобы оно пекло. И мало что осталось в бараках. Днем все вышло на улицы лагеря — погреть, как говорится, кости. Только они большевики не смели выйти за решетку своего барака. Их безжалостно стаскивали по лестнице, чтобы не распространялся по лагерю коммунизм. Выбегая на площадку солдат облепала польско-шляхетская власть от того нового, что шло к нам с советских земель...

И вдруг под самыми облаками увидели мы большую птицу, выскок влетавшую на своих мощных крыльях. Она то опускалась вниз, то снова взмывала вверх. То был орел. Он с удивлением смотрел на окружающих людей, у которых отнята воля и подорваны крылья...

Орел! — восклицали мы. А откуда он? Не с наших ли вечно зеленых, чудесных Карпат? Не несет ли он нам вести от родных и надежду на волю? Или, быть может, прилетел он к нам с голых скал Татров и принес надругательство и неволю?

Доброе полчаса летал он над лагерем, словно смеялся и глумился над нами. А потом улетел по направлению к Татрам.

Пасмехается над нами, — говорили мы. Несет нам неволю и смерть, — хулили мы, и головы наши грустно клонились, и завалили наши сердца. Как и мои товарищи, опустил я голову под тяжестью мыслей.

Но вдруг я вспомнил «Песню» В. Башкина, тоже попавшего в тюрьму: над его головой летал сокол и как бы смеялся над ним.

Я читал вступ прекрасные стихи Башкина и вливал в души моих товарищей по неволе веру в лучшую жизнь на свободе, среди своего народа.

— Не смеяся, сокол, — кричал я вслед за Башкиным. Я был выше тебя в небесах, над землей, я был выше тебя и выше орла. Я вливал много неизвестных светов и много тайн разгадал. Я говорил со звездами, к яркому солнцу подлетал. Я рождал там же неволею и злым, как и ты. Братьями мне были ветер и гром. И только однажды ночью, среди битвы, я ослабел, и меня заковали в цепи, как вора, как побитого некоего раба. Так не глумись же, сокол! Я здесь не умру, за стыл стыдом отплачу! А когда соберешься снова лететь в безграничный простор, не забудь передать облакам мой поклон, всем скажи, что я цепи разорву, что в тюрьме моя жизнь — это только лишь печальный сон, сон наяву!

Но сон этот был долгим-долгим. Он тянулся двадцать один год, и хотя мы и вышли из концентрационного лагеря, мы не полетели на волю, а очутились в тюрьме. Не были нам братьями ветер и гром. Мы сидели в камерах, как побитые невольничьи рабы. И все же мы все, как один, верили, что разорвем эти цепи, что в тюрьме наша жизнь — это лишь тоскливый сон, сон наяву...

И вот так и сбилось. Над нами пролетал издалека солнечный Грозный сильный орел. Широкие крыльями рассекал он облака и разбивал нас, сонных и потерпевших веру. Своим полетом и размахом разбивал он поворно и смерть, которые сеял нам два десятка лет орел с запада. И мы снова очутились на воле и благоволяем солнцу Грозному, что дала нам беглым и обездоленным своего орла.

Ванда Василевская

ПЕСНИ РАДОСТИ

Говорить о литературе Западной Белоруссии в условиях советской власти — это значит говорить о небесной матери, из которой кристаллизуются звезды. Белоруссия вообще изобилует поэтами-самородками. Они родились еще во времена глухой беспресветной панщины. Прекрасным примером этого является хотя бы Павлик Бахрим — поэт-самородок, сын крепостного крестьянина, который в юности своей писал:

Зайграй, зайграй, хлопца малы
I у скрыпачкі i у цымбала,
А я зайграю я дулю,
Бо у Крошыне жыць ня буду
Бо у Крошыне пан срдзіты,
Вацька кімаі забіта...

По народному поверью, Павлик Бахрим просит летучую мышь сесть ему на плечо, чтобы он не вырос большим, — тогда его не возьмут в солдаты.

Ой, кажане, кажане!
Чаму не беш ты на мяне,
Каб я сошыты не падрас
Ды ад бацьковых каабс.

Правительство Николая I схватило молодого бунтаря-поэта и отдало на военную службу на 25 лет, где и погиб юный талантливый певец народного гора.

Указанный пример из истории белорусского народа был символом для поэтов, писателей Западной Белоруссии, стоявших под латой панской Польши.

Времена народных бедствий, борьбы и лишений родят эпос и народную песню. Эпос — народная лира, оплакивает горести народа, вызывает на борьбу, затрагивает самые болезненные струны души.

Все поэты Западной Белоруссии это — лирики.

Максим Танк. Его нужно считать наиболее богатым и даровитым поэтом Западной Белоруссии. Молодой и стройный, как серебряный тополь, с русыми волосами и синими глазами, — одним своим видом он говорит о белорусских печальных полях, задушевно в солнечный день. У Танка поля «колышат тоской», и на заре скрипят колеса, «поющие сельскую блаю» (из стихотворения «В туманах вишневых»).

Отдохну немного в туманах вишневых,
Запопни очи мокрью в зарю,
И пойду я снова сквозь лес, дубровы
Будить песней юной край свой — Беларусь.

Это — один из распространенных мотивов в поэзии Танка. Свежая, бодряя заря. Вишневый туман. Молитвы матери за сына. Мотивы борьбы против ограбления народа. Звучный зов итти с подъятой головой на борьбу.

Валентин Тавлай, Анатолий Иверс, Михаил Василек, Ина Тарас, Михаил Машара — это поэты, творившие для народа.

Освобождение Западной Белоруссии от панского ига вызвало у поэтов новые мотивы — мотивы гимна, оды.

В Западной Белоруссии с приходом Красной Армии чуть ли не каждый становится поэтом. Народ начинает петь песни радости.

Трудящиеся Западной Белоруссии отпраздновали первую годовщину своего освобождения, а поэты подвели итоги всему сделанному и наметили перспективы своей работы на будущее. Поэты Западной Белоруссии в своем творчестве хотят быть понятными народу, одновременно не потеряв качества работы. Претворить в поэтические образы достижения народа, его ежедневные победы — вот к какой задаче мы подошли вплотную.

Большие духовные богатства принес сквозь века народ, и поэты Западной Белоруссии мечтают об излечении этих богатств, мечтают сделать их достоянием всех народов Советского Союза. Над этим они борутся с антагонизмом работ.

1 Кажан — летучая мышь.

деревни момент, она чувствует свою кровную связь с крестьянским миром и, как своя, как равная, идет в рядах крестьян под пули панщины.

Украинский крестьянин Иван Пискор из романа «Памя на болотах» и трибул рабочих стачек, светловоселый, солнечный Анатоль из «Облика дня», польский Пискор из «Трое против города» — каждый образ рядового человека из народа живет в произведениях Ванды Василевской восторженной, серьезной, глубоко содержательной жизнью, полной внутренней поэзии и скрытого героизма. В этом огромная, чарующая сила ее книг. Тут нет «пародия-бонитона». Ванда Василевская не поворачивает голову назад. Она со всей ответственностью несет на своем знамени идею справедливости, правды, и его темноту, и, силой и рядом, привитую ему господствующими классами жестокость и грубость нравов. Но показывая это, она видит основное, самое главное: классовую солидарность, способность к самоотверженности, здравый и трезвый ум народных масс. Она видит и изображает народ как создателя и творца всех материальных и духовных ценностей на земле. Показывая в живых, полных обаяния и поэзии образах.

И вот, когда в ее произведениях отражается человеческое существование миллионов масс героев и создателей, унижения, голод, вымирание, на которое их обрекает горсточка тухлых и жадных господ жизни, кулаки сжимаются от ненависти к «старому подлому миру», ко всем его представителям, охватывает ярость и стремление к борьбе до последней капли крови. Любовь к народу и беспощадная, жестокая, непримиримая ненависть к его врагам, ко всем, кто обращает в ад жизнь трудящегося человека на земле, — это основная сущность всего творчества Ванды Василевской. Пелевист, настолько глубокая, яростная, целеустремленная, что не нуждается ни в каких преувеличениях, гиперболлах, трюках, ни в каких социальных схемах. Ей не нужно делить врага демолически жестоким, грязно развратным, глупым, физически отвратительным. Дело вовсе не в тех или иных его личных свойствах. Дело в его социальных функциях, в том, что он думает, гнет, обрывает на вымирание лучшую часть человечества, будущность человечества, надежду человечества.

Живая любовь Ванды Василевской к народу, знание и понимание народа выражаются в том, что «масса» складывается для нее из живых людей, обладающих огромным богатством мыслей, чувств, сложной и интенсивной духовной жизнью, полной глубокого своеобразия.

Герой книги «Родина», батрак в огромной помещичьей экономике, Ян Кржисяк, — это рядовой сельскохозяйственный рабочий. Если взглянуть на него поверхностно, разве, глазами чужого человека, он темный, забитый и — вместе с тем — недоверчивый, грубый с семьей, униженно кланяется помещику. Но Ванда Василевская смотрит глазами товарища на борьбу, который всегда лучше знает, как обстоит дело. И вот перед нами вырастает образ человека, страстно жаждущего и ищущего справедливости и поэтому справедливого человека, много и мучительно думающего и готового в любой момент отдать жизнь, пожертвовать своими, самыми жизненными интересами ради интереса дела, в которое он верит, которое представляет для него высший жизненный интерес. Во всем его суровом облике вырастает образ героя, того многомиллионного героя, который во всем мире преданно, самоотверженно выносит на своих плечах борьбу за освобождение человечества.

Жена Кржисяка Магда, прожившая огромную, полную каторжного труда жизнь, даже не заметив глубокой поэтичности своей души, спокойно готовится к смерти; за несколько часов до кончины она занимается с постели — приготовить пищу мужу и сыну, чтобы они, вернувшись с работы, поели горячего.

Анка из «Земли в ярме» — девушка, которую деревенские предрассудки обрекли на жизнь парии, которая даже в беспредельно несчастной деревне играет роль обездоленной из обездоленных. И все же, в трагический для этой, чужой ей,

Врагом может быть полупомешанный от жестокости и надменности граф Острельский из «Земли в ярме».

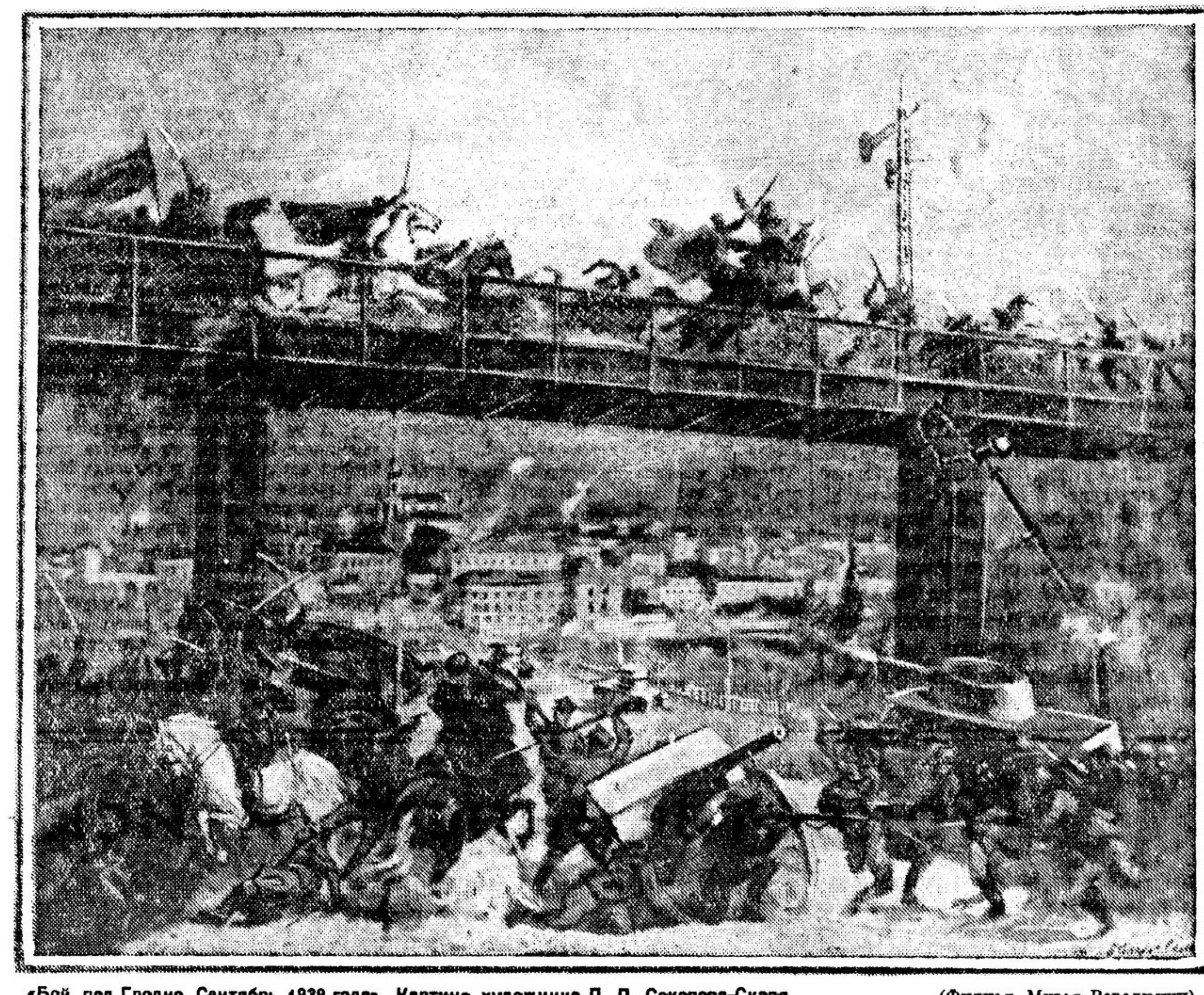
Но врагом, врагом последовательным, убежденным, злым, может быть и осадник Хоржиняк из книги «Памя на болотах», хотя он даже не сознает своей враждебности крестьянскому миру и считает себя несправедливо преследуемым крестьянской массой, затравленным и одиоком.

Некоторым любителям социальной схематики на этом основании даже показало, что книга «Памя на болотах» недостаточно классово тенденциозна, и они поспешили поделиться своими соображениями с читателем, даже не дожидаясь выхода книги на русском языке (см. «Интернациональная литература» № 3—4, статью тов. Зыбина).

Польский цензор в Варшаве, запретивший книгу к печатанию, оказался более принципиальным, чем некоторые наши критики. Он мотивировал свое запрещение именно тем, что, изображая вполне объективно личность осадника, автор показывает, как этот человек своим своим существованием препятствует жизни деревни, как он душит ее. И тем самым автор направляет ненависть не против одного осадника, а против осадничества в целом, против всех осадников и самой системы, их создавшей.

Нельзя в данном случае не отдать справедливости уму врага. Сметено было бы думать, что враги народа вызывают ненависть только своими личными свойствами, развратом, пьянством или ленью, а не своими социальными функциями — в первую очередь, или, что, например, целомудренный и трезвый осадник может возбудить любовь крестьян, которым посягает на шею, чтобы шпионить за ними, получая в награду за это их последние лучшие клочки земли, обречая на голодную смерть их детей.

Крестьян вовсе не интересуют душевные качества осадника. Их ненависть (и ненависть читателя) возбуждает то, что Хоржиняк, этот негодный человек, этот ограниченный служака, верный лакей господствующих классов, в глубоком и «честном» сознании своей правоты отбирает у деревни все источники существования, что он живет за счет крестьян, что на жизнь этого тупого животного иудт жизненные соки чудесных, талантливых, самоотверженных людей.

«Бой под Гродно, сентябрь 1939 года». Картина художника П. П. Соколова-Спаса. (Филлал Музея Революции).

Василь Палийчук, гуцул

Эй, люди! Дожидаетесь ли вы меня, чтобы все меня услышали? Столько вас собралось, столько народу сошлось, да все в ладоши хлопотает!

Народу уйма, словно на пасту воле перкви. Что сказать, как рот раскрыть? Эх, родные, да это все Палийчук стоит, плечо к плечу — крепкие ребята и, как люди, высокие. Кланяясь тебе, род мой, перна-наперно, и нам, народ, от всего сердца спасибо говорит Василий Палийчук, бывший слуга его милости пана профессора Ядлинского из обсерватории — вот там, беленькая, выдешется поверх сосен за Черемошем.

Слышал ли кто-нибудь из вас, хозяева, про обсерваторию, где звезды выслеживают, где по ношу, как по книге, читают? Да куда там. Копались мы всю жизнь в земле, некогда было на небо глядеть. А пань, — жинья что им не было, — они-то всем нам жинья не давали. На небо в трубу смотрят, стекла разные прилаживают и что душе их угодно примечают — даже, если где мушкетер погрозит, а не горех с капютоном ест, как ему от панов пожелание. Принадежь вам — и я в трубу эту высматривал. Ой, как высматривал! Вот так вот глаз приложу и широко раскрою.

— Что видишь? — спрашивает пан профессор. — Видишь звезду над лесом? Это польская звезда взоходит, на весь мир засияет.

Ладно, молчу. Тшше травы бум, — говорю я себе. Наше, мол, дело маленькое: затерялся, пускаяй полети тебе зиня, а я — украинец, карпатский горек, гуцульский.

Ладно, молчу. Тшше травы бум, — говорю я себе. Наше, мол, дело маленькое: затерялся, пускаяй полети тебе зиня, а я — украинец, карпатский горек, гуцульский.

видят. Если я их не вижу, пусть они меня увидят! Или пускаяй они в свои трубы глянут. Взял я флаг польский, оторвал белую половину, оставил малиновую, да подил такой знак на шею. Как раз к рассвету время подошло. Солнце на знак мой светит. Далеко на все стороны видеть его, мой красный знак!

Тут и день божий подошел. Но что за дьяволина — на дороге ни души, словно кто дорогу перевернул в сторону от обсерватории. Вижу простым глазом, как польское войско идет, а меня обходит. Ох, люди, люди — какая это сила была в моем красном знаке! Так хорошо мне стало, так приятно — вот как тут перез вами стоять.

Уже и день миновал и вечер занялся красным красным за вершущиками леса. Черемош в долине бежит. Едва слышать, как мужик возле хаты на трембуре «играет. Так чудесно громко и тихо. Удлин, господи, день, твой знак мой до ночи зашел! Кто-нибудь из большевиков слышал, которые идут освобождать своих братьев кровных, свой народ. Так думаю и трубу посаваю. Ну, и накликал я на свою голову! Ну! Стоял вить будет этого войска польского. И прямо к мом воротам.

Эх, хозяева, ну и перевернулся я. Куда мне с такой силой тянется. Сигу — не отсылаюсь, ворот не отпираю. Топор свой высоко над головой подымаю: а ну, пусть кто-нибудь на ворота влезет, сразу по голове его. Слышу — остановились. Заговорили. Мой красный знак на ветру полаяется. Сейчас вот начнут из пупек по воротам лаять. Слышу, кто-то ворота дергает: «Эй, люди, отзовитесь!». Выглянула я: стоит польский солдат.

— Слава Иисусу.
— Вовек слава.
— Злесь штаб большевистский?
— А тебе на что, человете?
— Так, может, вы, хозяин, из этих большевиков и будете?

• Гуцульский музыкальный инструмент, длинная труба.

— Если богу угодно теплому моему прошептать.
— Так открывайте жинвой ворота.
— Не, пан желез, ставьте пушки на плечи, пальте прямо в стены, пусть я под шумом лягу, а ворота не вам отперо.

Слышу, снова заговорили.
— Бога побойтесь, хозяин, — да разве мы силой сумеем? Обширяться наши в Румынию скажут, нам за ними плестись не охота, ищем добрых людей, чтобы в плен сдать.

Ничего не поделаешь — пришлось брать их в плен. Послажили они все оружие, оставили пулеметы да пушки, а сами стаят — не знают, что делать.
— Зови, хозяин, начальство большевистское, пусть выхлост сюда, да нам совет дадут.

Набрался я духу и говорю:
— Солдаты! Большевистская пана власть едла вас мне, Василью Палийчуку. А я вам представляю назад поженуть и по хатам своим расхотиться.

Войско кричит, плачет, землю пелует. Спасибо вам, пан начальник, что нас не коротает. Покарали уже нас время лихое да держка польская. Любим войну! Думо! Думо! И пошли они все в долине, а я остался один с полным взором оружия, да моим красным знаком.

Ночь выдалась темная, хожу я на страже, стерегу добро, трубу посаваю — душу согреваю. Пес мой к ногам прижмается, ластится, на ворота лает.
— Кто там? — спрашиваю.
— Отвори, хозяин, — это я, тот, кого вы в плен брали.
— А что тебе ночью понадобилось?
— Привели мы к вам панов с десятком.

— А это кто такие?
— А может сказать, пан начальник. Может, министры какие-нибудь, может, польские. Пять мешков денег при них. Может, это польский банк удрает...
— Бросайте их в подвал, говорю, да освещайте хорошенько, пускаяй лягут, ежели судьба их такая.

Видите, хозяева, какой Польша стала. И смех и грех, хоть никому не расскажешь. А какой гонор у них был. Как крестьян усмирлял. А мы терпели. Славно богу в ручку целовали.

Ладно, стою на страже, да все думаю о том моем красном знаке. Что дальше делать? Вот принадежь я большевиком, а дальше ни с места. Может, надо из пупек стрелять или народу речь сказать?
Подошел к подрау.

— Как вам сидится, пань любезные, может, подчичи вам принести?
— Быдло, хамы! — отвечают пань. — Ваша армия в Москву удрает!
И я отшел. Пускаяй выкричались.

И пришла мне мысль — парисую я Сталина, каким он мне представляется, потому что ни разу его на картине не видел! Пусть Сталин первый встанет здесь, на наших украинских Карпатах! И парисую. Наверное, похаживал вышел, потому душою и сердцем рисовал.

Глаз не сомкнул я всю ночь. Что мне утро принесет? Потому я уже не просто Василий Палийчук, гуцул. Теперь под моей рукою наука — небо высматривать. Витовки да пушки. Пань, министры, с Ель-богом банком, пропиди они пропидом! И по глазу, страшно простому человеку на такую высоту забираться — отослуду его видно, может, изза границы смотрят, как там эти Палийчуки без знавоں польскок живут!

А утро не замешкалось. Такое умятое да веселое пришло, через горы перекачались, везе, на туманах раскочиваются. Лес в красное разукрасило, венчики из туч сплелась. Самолет над горами парит. Нижа да ниже. Надо мною покружил, встряхнул крыльями. Бах! Возле меня что-то упало. Может, это самая бомба и есть? Поднялся, вернул — бумагу. Вот беда — ко мне с самого неба письма идут, а я не прочту — не пришлось при поляках на профессора выучиться...

Ну и славыные, скажу вам, хлопцы — эти большевики. Подхватили на таяках под свазье ворота. Я вышел, шащу скажу:

— Слава Иисусу, помогай вам бог поляков пещать.
— Доброго здоровья, паша, — говорит один. — Так, может, вы и есть товарищ Палийчук?

— Василь Палийчук, любезный пан большевик.
— Ну, вот, паша, какой же из меня пан?..

И засмеялся.
— Не знаю, как вас повыше величать, пан товарищ, за удале вашу молодецкую...

— Это мы вас величать должны, товарищ Палийчук, — говорит и смеется, — польские полки сами к вам в плен идут! Такие веселые, такие славыные хлопцы выглядывают из танков. И молодые-молоденькие, и лица у них румяные.

— Голубчики вы мои, — говорю я простому, — пускаяй вашим отцам и матерям безогат за неба падает за таких сынов. Пусть им жить будет легко!

И слезы у меня из глаз — кап да кап. — Придьтежайте меня, люди. Сам не знаю, как это вышло, словно кто-то у меня на груди книжку какую выдал, что слезы выкачивает. Плачу, а сам смеюсь...

— Так дай же я тебя твою поспеваю, сынок, чтобы знакомые мы с тобой были и родные. Вот уже ко мне письма от ваших с неба идут. Может, взглянуть хочешь?

Помало ему ту бумагу.
— Спасибо, — говорит танкист, — письмо это к нам, а вам другие письма будут, паша.

Поцеловались мы, да еще раз — вот и все.
Так что же вы, товарищи, на речь мою скажете?
Ну, а потом я из Львова с Народного собрания сюда вернулся — надо ж кому-нибудь обсерваторию охранять. Пускаяй и мужик наш в трубу глядит, академью изучает! И кланяются вам, всемоу обществу, за выборы и за ваше доверие к Василью Палийчуку, простому гуцулу, переводил с украинского М. Живко.

РОЖДЕНИЕ ЭТОГО ДНЯ

Я собственными глазами видел, как родился этот исторический день. Всю ночь я сидел в черном, встревоженном поезде, который то нервно бежал, то останавливался, то внезапно ускорял ход, заблудившись в беззвездной тьме, не встречая на пути ни одного огонька, то ощущая полз через ненадежные, несколько часов раньше подвергшиеся бомбардировке насыпи и мосты, мигая темные станции, осаждаемые вьющающимися солдатами и перепуганными женщинами.

Потом я долго шел навстречу пробуждающемуся осеннему дню. По шоссе металась грузовики, набитые польскими солдатами из летнего похода. Взгляд у них был отсутствующий, глаза блуждали: снова рождался день, семнадцатый день, как они скрываются в лесах и беспомощно подставляют голову под преследующие их вьюги бомбы.

Пронеслись грузовики, за ними стремительно грохотали ломовые телеги, увозящие детей и домашний скот. Одна за другой, они мчались в панике, словно вот-вот их настигнут. На мой вопрос, люди, не останавливайтесь ли на минуту, начали с восторг: «Волковски вят, Барановичи вят!» — Это убежали евреи из маленьких городишек.

Бежали мне навстречу, проносились мимо с огульными шагами. Последняя телега мчалась галопом. Возница, стоя, стегал кнутом лошадей, помянуто оглядываясь, словно опасаясь гнаться за ним по пятам. Рассвело. Шоссе опустело.

Над лесом внезапно возник самолет. Он несся вдоль путей так низко, что слышно, что и депо заслонили от меня черные прутья на его крыльях. Пролетел надо мной, исчез. Несколько минут спустя до меня откуда-то сверху доносился гул мотора. Может быть, полетел в станицу, с которой я выехал, может быть, в детский.

«Начинается!» — подумал я. Какой же неприятный это день, когда ты, безоружный, просто лезешь в пасть войны, ибо она уже находится между тобой и страной, куда ты бежишь.

Но узнав, что страна эта сама взяла тебя под свое покровительство, сама пришла к тебе, ты благоговейшь этот день, его тихое, осеннее утро, туманное солнце его полудня, даже дождь и ветер его вечера, все его бодрость, радостные часы.

ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ

Первые дни мы переживали как встречу, личную встречу с великим человеком, о котором раньше только много слышали и читали. Я ехал на буфере товарного поезда, обремененного фурганами в зеленых польских солдатских шинелях, как мед мушкетера, и думал: так выглядела в Октябре поэзия, идущие с фронта в Петроград. В больших митингах ощущались темп и тон былых лет. Книжки становились реальностью. В большой деревне над Неманом я отпра-

визовал крестьянский комитет. Впервые я так близко столкнулся с деревней. Но у меня уже были там знакомые: Наталью, Майданчиков, Разметов, дед Шухарь — и я знал, что и как я должен делать. А в городе я встретил Давыдова. Вырос умственно и морально. И я убедился, что книги не всегда точны. В книгах я нашел одного Давыдова, а тут в узких и областных городах вместе с отрядами Красной Армии шло много Давыдовых, очень много, и ни один не был похож на другого, такие живые и красочные, что только салсы и пшши. Красные знамена, толпы в городе, проходящие части, взволнованные деревни, лихорадочная жизнь и осень. Как же сильно тольжаны были переживать эту сжорость, что два раза два года назад творили ту осень! Так иногда увидишь нечто, виденное тобой давно, в детстве, какой-нибудь осенний пейзаж и — как-то остро колыхнет в сердце.

Но эта радость вокруг, великие перемены, дело, требующее завершения, борьба, жизнь, — все это должно затмевать, отодвигать в сторону грусть о далекой молодости. В этом сентябре бойцы Октября наново переживали свою настоящую молодость.

И даже больше. Шум, грохот танков и самолетов, бесконечные колонны грузовиков, опытности командиров, организаторские способности, культура бойцов, — все это говорило о том, как сильно они выросли за минувшие двадцать два года.

КАК Я УМЕР

Много вещей может случиться за год. Между прочим, можно и умереть. Так действительно случилось со мной. Я умер.

Как-то в ноябре некий профессор литературы в сметоновском Вильно напечатал в местной газете заметку о том, что я умер для польской литературы. Это было заслуженной карой за выступления, в которых я весьма отрицательно оценивал правительство Ридз-Смигли. Я не знал об этой каре и, возможно, поэтому продолжал спокойно жить.

Но мое появление в львовском клубе писателей одаждал, в феврале, вызвало сенсацию. Меня окружили — кто кричал, кто смеялся, кто недоверчиво жал мою руку: не призрак ли?

Оказывается, радиостанция в Тулузе накануне передала, что я умер. Просто-напросто умер.

Я забеспокоился. Мне не хотелось умирать! С другой стороны, меня интриговали причины этого известия. Я хотел протестовать.

В тот же день мы узнали дальнейшие подробности. Лондонская радиостанция передала, что я покончил с собой.

Это меняло положение дела. Еде Тулуза, как Тулуза, какой-то там провинциальный город. Но Лондон! Столица Британской империи! Такая почтенная радиостанция! Я отказался от протеста. Им там выжить.

Из этого факта можно извлечь различные выводы.

Во-первых, против ожидания, Англия обладает большей фантазией, чем Франция. На основании одного и того же фактического материала Лондону удалось дать более точное и пространное сообщение.

Во-вторых, связь слаба. Потребовалось три месяца на то, чтобы этот вздор попал из Вильно в Тулузу и дальше. Такая быстрота нам сегодня не импонирует. «Правительство» генерала Сигорского проделало подобный путь в тридцать раз быстрее.

В-третьих, чрезмерная точность. Господа из лондонского радио рьяно придерживаются действительности. Разве не проще было бы передать, что погиб не какой-то там Путрамент, а великий ученый, знаменитый певец или великодушный спортсмен, и что не учинили самоубийство, а, например, расстреляны большевиками. Это так же не сложно, как вместо пластики с камерной музыкой поставить джаз-фокстрот. Расходы те же, а насколько больше шуму!

Оный профессор, кажется, остался в Вильно. Я охотно бы с ним встретился и убедил бы его в том, что я вполне живой.

КРАСНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Снова наступил сентябрь. Первое впечатление: как быстро! И, вспомнив, сколько вещей свершилось за это время, недоумевает: как все это удалось вместить в пределы одного года! Это был исключительный год!

Прозвучал настроенный человек открыт: очевидно, исключительный. Ведь он насчитывает 366 дней.

Светить скажет: возможно, сделано много, но сколько еще осталось работы. Обобщая эти мнения: сделано столько, сколько полагается в течение обычного советского года. Но, поскольку год был высокосный, осталось доделать еще одну триста шестьдесят шестую часть.

Вот, например, львовские писатели. Выступили они около ста раз на вечерах в школах, институтах, на фабриках. Но эту цифру можно было бы повысить выездами в деревню, в близлежащие города.

Польские поэты закончили ряд переводов. Но Маяковский занялся только в мае, и том этих переводов до сих пор не вышел.

Написано много книг. Но книжные издательства отнеслись к ним с позиций обычного годового плана, в то время как год этот был исключительным: вмести в себя целых 22 года. Каждое опоздание в этих условиях весит в двадцать раз больше.

В календаре на 1940 год одним красным листком больше: 17 сентября. Мы пережили свой Октябрь в сентябре, карелофинны — в марте, Бессарабия и Северная Буковина — в июне, Литва, Латвия и Эстония — в июле.

Календарь адеет. Все больше становится в нем семнадцатых сентября.

Янна БРОНЕВСКАЯ

ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ

Прошедший год в жизни и творчестве писателей Западной Белоруссии, первый год жизни при советской власти, является как бы аккордом, который, перескочив через октаву, звучит, как предвещая новую мелодию.

В песне освобождения, в песне будущности, в песне, посвященной новой жизни, еще ощущается как улетучившийся туман, минорный тон. Предыдущие годы, прожитые с такими глубокими, болезненными, трагическими ощущениями, наложили свой отпечаток на мелодию новую, бодрую, жизнедающую. В том, что пишут новые советские писатели о своей боковой, многолетняя наблюдательность, проявляется высокое умение. У многих из них литературный материал, собранный за годы тяжелых переживаний, не напечатан в прежней жизни соответствующей художественной форме, в которую он мог бы воплотиться. Это вытекало не из чрезмерного эстетства заведовавших литературными кафедрами, которые годами перемалывали проблемы гоной формы, не имея возможности наполнить ее каким-либо ценным для общества содержанием. Напи писатели, которые сейчас творят новую литературу, «страдающую» скорее излишним содержанием, для которого не находится соответствующей формы, так как еще год тому назад вопрос о форме произведения революционно настроенного писателя решалась особая коллегия из трех лиц: шпидера, провокатора и цензора. Это была своеобразная литературная школа для писателя. Писать так, чтобы слово и мысль могли проскочить мимо этой тройцы, могли стать незаметными для ее всезубных ошей, — такова была проблема формы, над которой не приходилось задумываться поэтам и прозаикам-эстетам.

Чаще всего бывало и так, что произведение писателя-революционера вообще не могло появиться в печати и переходило из уст в уста. Из стен тюрьмы вынес свои стихотворения в своем мозгу и памяти белорусский поэт Филипп Пестрак, который за 12 лет, проведенных в польских тюрьмах и лагерях, мог только изредка перекинуться живым словом с товарищами в острожных камерах. Он вынес их на волюный свет, ибо всепроникающий взор сыщиков, взор палача не мог проникнуть в такой верный тайник, какими были мозг и память революционного боевого поэта Филиппа Пестрака. Он вынес эти стихотворения на волюный свет после той последней ночи, проведенной в прозенской тюрьме, когда к городу уже приближалась Красная Армия. Эти стихотворения во время гололодок в лагере, во время кровавых экзекуций были для товарищей чем-то, что укрепляло их, как вода из источника, что поддерживало жизнь, как хлеб насущный, и спасало от удупления, как свежий воздух в наполненной пырами утробе завалявшейся шахте.

Не удивительно, что в стихах Пестрака, сохранившихся в его памяти, звучат трагические минорные тона, нервные музыкальные мелодии, которые минутами заглушают даже бодрый, радостный, победный мажор новой песни. Но и песни освобождения находят у Пестрака силу и выражение, достойные незаурядного поэта.

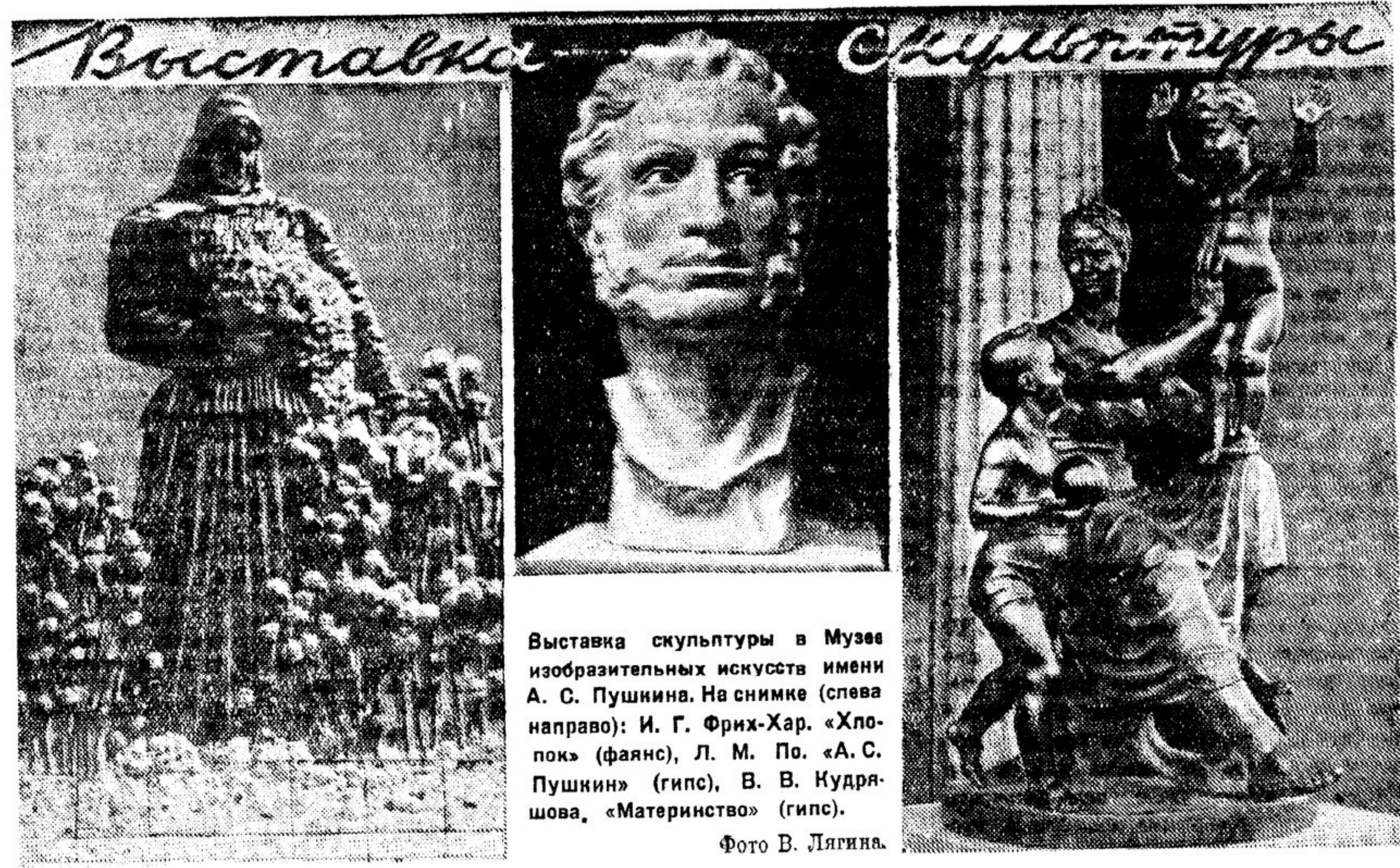
Только теперь Пестраку уже не приходится запечатывать в клетках мозга свои стихи. Сейчас его поэтический голос доходит до миллионов с печатными страницами, через радио, широко разносится его песни о счастье по всем уголкам белорусской земли, всей страны Советов и за их пределы. Филипп Пестрак — поэт-борец стал еще и поэтом-строителем новой жизни.

Творчество крупнейшего поэта Западной Белоруссии Максима Танка также связано с мрачными и сырными стенами польских тюрем, где поэт провел три года своей молодой жизни. Часть его стихов все же ускользнула от глаз особого трибунала. Один томик вырвался из цепких цепорских рук, проскользнул мимо недремлющего ока охранки. Несколько десятков экземпляров этого конфискованного томтика спрятали в Варшаве мы, друзья Танка, его товарищи по борьбе, которых не мог разлучить инквизиционный язык, ибо нас связывала общность идей и борьбы. И в стихах Танка в победный мажор вплетается грустный тон трагического минора. Этим тоном вообще звучат поэзия и проза людей, которые всего лишь год тому назад постоянно ощущали над головой палача.

Значительная часть писателей Западной Белоруссии сосредоточена в Белостоке. Это люди, которые ищут искреннюю правду. Им сейчас, наверное, еще трудно сразу сделать прыжок на целую октаву. Чтобы освоить это счастье и радость, осознать их — для этого нужно время. Для нас, людей «оттуда», это головокружительный скачок. Я думаю, что и в дальнейшем еще не раз будут слышны отзвуки песни о тех прожитых годах. Эта песня имеет свой смысл, и не только в аспекте истории. Она органически связана с новым творчеством, с творчеством уже советских писателей, вносящих в сокровищницу искусства свое богатство, оригинальность и прежде всего правду о том, что все достигнутое сейчас обильно полито кровью борцов за наше счастье сегодня и еще больше замечательное завтра.

Зреющие писатели освобожденной Западной Белоруссии принесли с собой все, что у них было лучшего. Вместе с ними пришло и много начинающих. Они пришли новые, еще не подломленные в жестокой борьбе силы. Они начинают строить сызнова, без оглядки на мрачное прошлое. В их песнях будет звучать только радостный мажор. Это совсем иное поколение, которое глядит на нашу действительность свежими глазами. Как сейсмограф, они отмечают то, чего не могут заметить глаза, раньше привыкшие к мраку.

Великодушны эта разнородность, это богатство человеческого интеллекта, это естественное общение общего достоинства двух поколений единого истинного отечества, где нет барьеров, разделяющих национальности, и где нет враждующих классов.

Выставка скульптуры в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. На снимке (слева направо): И. Г. Фрих-Хар. «Хлопок» (фаянс), Л. М. По. «А. С. Пушкин» (гипс), В. В. Кудряшова, «Материнство» (гипс). Фото В. Лягина.

Лев ДЛИГАЧ

СТИХИ И ПЕСНИ

Лет двенадцать назад Алексей Максимович Горький, но великой своей скромности не считавший себя знатоком и писателем поэзии, тепло отзывался о стихах Михаила Исаковского. Горький увидел в ранних опытах еще не известного молодого поэта заражающую искренность и простоту — основу всякого подлинного искусства. Несмотря на успешное начало, Исаковский до последних лет писал очень сдержанно и скупно. Он не торопился, как многие другие молодые литераторы, поскорее реализовать свои творческие возможности и плоды своей пророческой. Авторитетное слово Горького только повысило в Исаковском чувство поэтической ответственности. Строгим отбором опубликовал он немногие стихи, появившиеся в период с 1929 по 1937 год. Все, написанное Исаковским в последующие годы, показывает, что длительный период наблюдений и раздумий, период внутреннего творческого накопления оказался весьма благотворным для поэта. Исаковский стал несомненно одним из крупнейших советских поэтов.

Многие, очень многие стихи и песни Исаковского завоевали самый широкий круг читателей и пользуются любовью народа.

Популярность произведения сама по себе не всегда определяет его художественные качества. Знак равенства, который у нас нередко ставят между этими двумя понятиями, приносит немалый вред советскому искусству и литературе. Очень важно в таких случаях проанализировать, откуда пришла вещь в народ, какие круги народа она завоевывает. Мы знаем не мало третьесортных песен, которые были вызваны к жизни мелкобуржуазной, мешанской, деклассированной средой. Эта песня («Кирпичики», «Улыбнись, Мама», «Радость, как птица», «Саша, ты помнишь наши встречи», и т. д. и т. п.) общезвестны, т. е. популярны, но они проникают в массы по таким каналам, что назвать эти песни народными — значит клеветать на народ.

О песнях Исаковского можно сказать, что они гораздо более значимы, чем их автор. Эти песни заслужили любовь народа и вошли в советский быт особым, самым трудным путем. Они печатались в «Правде», в газетах и журналах, и самим фактом своего литературного существования вызвали к жизни множество мелодий, множество музыкальных вариантов. Лучшие из них выдержали испытание временем, стали ровнею со стихотворным текстом, слились с ним. Их судьба такова же, как и многих таких подлинно народных песен, как «Тачан-

ка», «С неба полуденного», «По дорогам знакомым», «Партизан Железняк», «Если завтра война».

Литературные гурьман, которые варятся в собственном соку, думая, что это и есть животворящий эликсир современности и панацея от всякой поэтической хвори, считают, вероятно, творчество Исаковского слишком незамысловатым и бесхитрым. Однако для читателя поэтического мастера Исаковского очевидно.

Сила Исаковского, обаяние его поэзии — в удивительной непосредственности интонаций, в свободном движении стиха, в подуманности и органичности тем, в том, что Исаковский глубоко чувствует свое время и знает свой народ. Даже эффектные конюшки, которых у Исаковского немало, парадность неархитичности и естественны. Вспомни хотя бы заключительную строфу чудесной песни «Прошляну»:

— По куда же напишу я?
Как я твой узнаю путь?
— Все равно, — сказал он тихо, —
Напиши... Куда-нибудь!

Исаковский думает о жизни, поэтому ему как-то незаметно удается выйти из рамок традиционной поэзии:

Раскрыты окна. Вет теплый ветер.
И легкий пар клубится у реки,
И шумно солнышко радуются дети,
И думают о жизни старики.
(«Весна»).

Широкий ритм написанной Исаковским «Песни о Сталине» глубоко прочувствован. При всей своей патетичности эта песня, ставшая воистину всенародной, звучит очень задушевно:

В глазах его ясных и чистых,
как светлую воду в колоде,
Черпали мы бодрость и силу
на нашем пути боевом...
Споем же, товарищи, песню
о самом большом полководе,
О самом бесстрашном и сильном, —
о Сталине песню споем.

Не много найдется поэтов, которые бы так остро и своевременно реагировали на то, что волнует народ, и умели рассказать об этом так сдержанно и глубоко, как это умеет Исаковский.

Стихотворение «У мавзолея Ленина» проникнуто высоким пафосом советского патриотизма, а в контексте этого стихотворения совершенно закономерно звучит такая, казалось бы, интимная строфа:

Когда же девушку, случится, встретить,
как светлую воду в колоде,
Черпали мы бодрость и силу
на нашем пути боевом...

Разговор о современной теме

На днях в редакции «Литературной газеты» состоялось совещание с активом писателей, посвященное обсуждению очередных задач Союза писателей.

После выступившего доклада А. Фалеева выступили В. Финк, М. Шагинин, Я. Рыкачев, А. Дерман, М. Серебрянский, В. Ерицлов, Г. Корабельников, Г. Фиш и О. Колесникова.

Все выступившие касались вопросов, поднятых в передовой статье «Литературной газете» от 15 сентября «Важнейшие задачи Союза писателей», говорили о необходимости коренным образом улучшить методы работы писательской организации, редакции журналов и «Литературной газеты». В центре внимания выступивших был вопрос о современной теме в советской литературе.

Марията Шагинин в своем высказывании говорила о первейших обязанностях литератора.

— Писатель, — говорила она, — передовой человек своего времени, он должен вести вперед читателя, учить его жизни и сам учиться на своих произведениях. Если художник не чувствует, что он стоит у руля жизни, что его идеи ведут за собой читателя, он не может брать за большое художественное полотно.

У нас немало книг, в которых как будто бы все на месте, но они ничему не учат и никуда не ведут. Такие книги оборачиваются своим мертвым лицом к самому их автору.

личном жизненном опыте в первые годы своего творчества, а потом терли свою тему, становясь небожителями. В писательской среде еще много равнодушия к окружающей жизни, увлечения мелкими, личными интересами.

Вот почему в литературе, драматургии, в кино в последнее время появилось много произведений, «проблемность» которых надумана. Действительно, мы настолько «заинтересовались», что часто забываем о социальном критерии.

Критику практику работы президиума ССП СССР, который не уделял достаточно внимания творчеству писателей, тов. Серебрянский предлагает созвать пленум, посвященный вопросам современной литературы. В «Литературной газете» должен быть помещен ряд статей на эту тему.

В. Ерицлов указывает на существование в нашей литературе остатков неверных эпитетских традиций в изображении героя нашего времени. Об одной из таких традиций очень хорошо сказано в Педагогической поэме А. Макаренки: «отрапательная повалка святой жертвы».

Писатели, проводящие эту традицию, изображают строителя социализма бедняком, откатившимся от радости и счастья; любят сделать героя большим или несчастным в личной сфере. Другая эпитетская традиция выражается в том, что герои эпохи изображаются в нашей литературе пресными, благополучно-скупными посредственностями. С такими героями нельзя связать ни увлекательного сюжета, ни сильных и глубоких страстей, эти фигуры не являются поэтическими. Во всех подобных случаях сюжет ведет не эти герои, а отрицательные персонажи: герой же только отвечает на действия отрицательного персонажа, не наступает, а обороняется: так он поставлен в самой композиции произведений такого рода. Между тем строителя социализма сам является врагом врагов социализма, он наступает на них, будучи представителем авангарда тру-

Люби ее нежней.
Пусть вся любовь, возможная на свете,
Состается в ней.

Свойственный Исаковскому юмор всегда мягок и ненавязчив. Герой стихотворения «Политпросвет» влюблен в сельскую библиотекаршу и разговаривает поэтому несколько книжно:

Послушать замыслил мой
Ко мне идут мужик и баба...
Поют над речкой соловьи —
Поэты
Сельского масштаба.

Исаковский плодотворно работает над переводами белорусских поэтов и фольклора народов нашей страны. Результатом вдумчивого изучения народного творчества явились такие стихи и переводы Исаковского, как «Два сокола», «Песня о Советском Союзе», «Расскажите Сталину про меня», «За окошком в белом поле», «Будьте здоровы, живите богато», «Идешь деревни, от избы и до избы», «И кто его знает», «Любушка» и другие.

Песни Исаковского вызвали множество названий и пошлых подражаний. Любители легкой литературной лажавы, стриптизавшие в свое время «ответ на эти черные глаза», занялись грубой фальсификацией. Они уловили три-четыре ритмических хода, двести интонации и на этой шаткой основе создали множество «Любушек», «Катюш» и даже «ответов Катюше».

«Холодные сапожники» песенного жанра забывают, что хорошая песня есть прежде всего первоклассное стихотворение, которое, благодаря некоторым интонационным особенностям, является благодарным материалом для композитора и певца.

Прекрасные песни и стихи, которые еще станут песнями, — вот из чего складывается в основном последняя книга Исаковского.

Разумеется, у Исаковского случаются промахи и срывы, которые иные все уравновешивающие критики считают необходимым бросить на вторую чашку весов, но как-то не хочется портить впечатление от хороших стихов крохоборческой дозировкой.

Большая поэтическая скромность, скрывавшаяся даже в переходящем к книге к книге названии («Стихи и песни», Госиздат, 1938 г.; «Избранные стихи и песни», Гослитиздат, 1940 г.), задушевность и сдержанность, знание жизни и вдумчивое отношение к своему труду — залог дальнейших творческих успехов Михаила Исаковского.

Выставка в Белостоке

17 сентября, в годовщину освобождения восточных областей Белоруссии от нацистского шпидера, в Белостоке, в помещении Педагогического техникума, открылась выставка московских и ленинградских художников (миниатюры и графики). В ней принимают участие крупнейшие мастера, художники старшего поколения — В. Вакшев, В. Вальвинский-Бирюля, И. Грабарь, П. Кончаловский, Н. Крымов, И. Машков, А. Осмеркин, М. Сарьян, Е. Крутикова, Д. Митрохин, И. Павлов, В. Фаворский. Будут экспонированы также работы покойных мастеров А. Рылова, А. Крайченко и И. Иваницкого.

В Белосток посланы свои работы Т. Галоненко, Б. Иогансон, А. Кокорекля, П. Котов, Курьянский, С. Лучинский, П. Ралимов, Н. Ромалин, П. Соколов-Скаля, Г. Шегаль, В. Яковлев, О. Яновская, Верейский, А. Гончаров, В. Зенкевич, Е. Кибрик.

А. Меркулов и В. Бябиков выставили большую серию цветных линогравюр с пейзажами советской Арктики. Д. Митрохин представлен на выставке серией офортов на ленинградские темы, М. Роллинов — литографскими листами с пейзажами Ташкента и Самарканда и линогравюрой «Товарищ Сталин в Баку среди рабочих».

С. Юдовин участвует на выставке девятью графическими работами на дереве на жанровые и героические темы, а также иллюстрациями к произведениям Гоголя и еврейского классика Менделя Мойхер-Сфорим.

На выставке представлена 161 картина 80 советских живописцев и 230 работ 66 графиков. Среди этих произведений есть картины и гравюры, экспонируемые впервые.

Выставка будет открыта в Белостоке до середины ноября.

БЕСПОМОЩНОСТЬ

Совещание началось, как обычно: полчаса бесцельного хождения и ожидания в коридорах, вопрошающие взоры собравшихся — что будет? — потом коллективные попытки помететь и, наконец, речь о целях совещания.

К такому «распорядку» все привыкло. Но на этот раз все присутствующие в вале хотели чего-то иного. Напрасно. Ничего иного не произошло.

Докладчик закончил свою речь. Председательствующий обратился к участникам совещания:

— Ну, товарищи, что будем делать?

Вопрос прозвучал трагически. Действительно, секретариат не знал, что делать, а приглашенные драматурги и критики не знали, о чем говорить.

Беспомощность руководителей комиссии по драматургии при ССП на этот раз была продемонстрирована на редкость сильно. Из получасового доклада г. Альтмана можно было понять только одно: надо критически пересмотреть содержание и направление работы комиссии. Так как комиссия ничем не занималась раньше и в ее деятельности нечего было пересматривать, после такого сообщения докладчика произошла вполне естественная неловкая заминка. Трудно было обсуждать доклад, в котором не было поставлено никаких вопросов.

Между тем, состояние драматургии, задачи, стоящие перед писателями, вполне заслуживают страстного, живого обсуждения. Совещание могло бы принести большую пользу. Превратилось же оно по инициативе секретариата комиссии в балаган, как вполне законно квалифицировали его некоторые участники.

Прения открыл г. Фомин. Воспользовавшись отсутствием всякого содержания в докладе г. Альтмана, оратор пошел такую отсбину и почув, что даже терпеливые завсегдатаи подобных совещаний начали громко выражать негодование. Наверяд ли стоит сказанное г. Фоминем воспроизводить на бумаге. Единственно, что следует отметить в связи с его выходом на трибуну: как легкомысленно все-таки многие литераторы, вернее, люди, мясние себя таковыми, относятся к публичным выступлениям.

Немного отрезвляюще на ораторов побольного тина подвела речь г. Гусева. Он совершенно справедливо назвал происходящее комедией.

Чтобы создать живую для писателей творческую атмосферу, прежде всего следует подмывать о том, — говорит г. Гусев, — как изжить «шехерезад», подлую неадекватность в творчестве других товарищей, как восстановить в среде драматургов чувство коллективной ответственности за литературу.

К. Финн существенным недостатком многих авторов пьес считает отсутствие творческих убеждений в искусстве. — Это и приводит, — говорит он, — к тому, что огромное количество пьес надумано, высосано из пальца. К. Финн возражает против «евтарманского» обсуждения пьес — не любезности прослушать, прочесть. Наоборот, чтобы создавать настоящую, большую литературу, нужны остроты, горячие дискуссии, споры, на которых бы со всей страстью проявлялись творческие симпатии и антипатии к различным стилевым, качественным особенностям наших драматургов.

Мало устраивать читку и обсуждение пьес. Нам нужны, главным образом, дискуссии о различных художественных направлениях в искусстве, о стиле, форме и качестве творчества отдельных драматургов.

В выступлениях писателей прозвучала рекая неудовлетворенность работой комиссии по драматургии, театру и кино, вся деятельность которой походила мимо основных творческих вопросов советской драматургии. Очевидно, из этого плохого совещания президиум ССП сделает, наконец, правильные выводы.

Г. Ф.

Народное творчество

В горной крымской долине Озенбаш некогда жил славный Ахмет-Ахад. Где он родился? Кто были его родители? Был ли он сыном бедного чабана и простой крымской крестьянки, как говорится в одной легенде, или, может быть, и в самом деле мать Ахмета — горная буйя, а отец — быземетр, как утверждает сам Ахмет-Ахад, тот самый «Бьюк-бугал», который держит на одном из рогов своих землю, Устав, он перебарывает ее на другой, и развращается тогда в земле пропавшей, грохочут горы, извергаются смерти дыма и пламени...

Сказаниями об Ахмет-Ахад полна крымская земля. Мудрец и балагур, насмешник и борец за справедливость, друг бедняка и враг мучила, хан и символ Аллага, Ахмет-Ахад издавна стал любимым героем крымского народа, сложившего о нем множество преданий. Немало есть сказок об Ахмет-Ахад — юноше, «еще больше об Ахмет-Ахад — зрелом муже и старце, но ни одного нет о его смерти. Бессмертный в представлении народа, Ахмет-Ахад живет и сегодня, хотя трудно сказать, где именно — попрежнему ли в Крыму или где-либо, может быть, в самой Москве.

Коротенькие сказки о мудром Ахмет-Ахад составили обильный том, который в числе других сборников народного творчества скоро выйдет в издательстве «Советский писатель» (автор издания Мирер). В этом году будут также изданы колоссальные сказки о гражданской войне, о крестьянском быте и колхозном строительстве, собранные и записанные Э. Гофман и С. Мицк, сборник антиреволюционного фольклора — сказки, частушки, песни, разговоры, широко известные в русском народе и у народов СССР, — составленный С. Жидиной и Н. Комаровой, и «Русские частушки» (составитель В. Сидельников).

Готовится к печати большой сборник «Русский народный воле» (составители Е. Борозина и А. Морозов). Собранным этого вида русского фольклора до сих пор почти не занимались. Богатства его расписаны в различных изданиях среди других жанров народного творчества, в записных книжках писателей, в мемуарах, в статьях. Новое издание, рассчитанное на 25 печатных листов, должно объединить рассеянные до сих пор образцы народного воле.

ФИЛИАЛ МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ. Статуя М. В. Фрунзе работы скульптора С. Д. Тависева. Фото В. Ягина.

Поэтический словарь

Первое литературно-справочное издание, посвященное терминологии поэзии и стиховедения, вышло в России в 1821 г. Составитель трехтомного «Словаря древней и новой поэзии» Н. Остопонов вложил много труда в свое издание, и в свое время пользовался широкой популярностью. В настоящее время он во многих отношениях устарел.

Если не считать неактуально составленного «Опыта литературного словаря», выпущенного неким Д. М. в Москве в 1831 г., — словарь Н. Остопонова являлся единственным в своем роде вплоть до 1925 г. Тогда в издательстве Френкеля был выпущен двухтомный «Словарь литературных терминов», который представлял собою нечто вроде сборника статей по вопросам истории и теории литературы и поэзии.

На-днях Издательство иностранных и национальных словарей выпускает новый «Словарь поэтических терминов», составленный А. Квятковским и выходящий под редакцией С. Бонди. «Словарь» включает в свой словарь новейшие русские советские поэтические термины и термины поэтических жанров и технологий стиха национальных литератур СССР. В словарь вошли, например, такие термины, как «мухаммад» (популярная форма ашугской песни в армянской поэзии), «сайтун» (стихотворение в диалогической форме в казахской поэзии) и другие обозначения, приобретшие уже права гражданства в советской поэзии.

При составлении поэтического словаря учтены теоретические труды поэтов и литературоведов по вопросам стиховедения и поэтики: А. Белого, В. Брюсова, В. Якимовича, С. Боброва, Б. Томашевского, Г. Шенгеля, Ю. Тынянова, В. Эйхенбаума и др. Примеры для иллюстрации терминов взяты из произведений русских классиков, современных советских поэтов, частично из произведений иностранных авторов.

Словарь выйдет 15-тысячным тиражом.

На родине Абая

Состоялось первое заседание правительственной комиссии по проведению столетнего юбилея со дня смерти Абая. Разработаны конкретные мероприятия, связанные с предстоящим 15 октября текущего года девятидесятилетием со дня его смерти. В этот день в Семипалатинске, городе, где учился и долгое время жил Абай, откроется юбилейная сессия Казахского филиала Академии наук СССР, на которой будут заслушаны доклады о жизни и деятельности Абая, о влиянии на его творчество классиков Востока и Запада и о поэтике произведений Абая.

В Алма-Ата и других городах Казахстана, а также в районах, колхозах и на предприятиях республики состоятся в этот день торжественные заседания и доклады о великом поэте.

В Семипалатинске сохранились четыре дома, в которых жил Абай, и медресе-училище, в котором он учился. В одном из этих домов будет открыт музей имени Абая. На остальных домах будут установлены мемориальные доски.

Кроме того, реставрируются могилы Абая и его зымова.

К юбилейной дате в Алма-Ата выйдут II том академического собрания сочинений Абая и сборники статей об Абая на русском и казахском языках.

Полвека благородного труда

Всесоюзная Ленинская публичная библиотека отмечает юбилей старейшего из своих научных сотрудников — Г. П. Георгиевского. Полвека он работает в рукописном отделе библиотеки в качестве хранителя и собирает его богатства.

Своей незаметной, кропотливой, но благородной трудом собирая редкий и документов русской литературы и русской культуры Г. П. Георгиевский начал в Румянцевском музее, куда он был 23 сентября 1890 г. назначен хранителем рукописного отдела.

За полвека работы в Ленинской библиотеке Г. П. Георгиевского узнали многие русские писатели и историки литературы. С некоторыми из них он был близок. Рукописный отдел Румянцевского музея часто посещали Л. Н. Толстой, Фет. Сюда приезжали Достоевский, Чехов. Много работал в Румянцевской библиотеке Валерий Брюсов.

Г. П. Георгиевский принимал у себя А. С. Пушкина литературный архив сына А. С. Пушкина литературный архив сына А. С. Пушкина.

Детский календарь

На новый, 1941 год ребята получат от Детиздата интересный подарок — настольный детский календарь.

В календаре отмечены даты жизни и деятельности В. И. Ленина, И. В. Сталина, руководителей партии и правительства, рассказывается о творчестве виднейших писателей и поэтов, описываются наиболее крупные достижения науки и техники.

В связи со столетием со дня смерти М. Ю. Лермонтова, исполняющимся в будущем году, в календаре периодически даются тексты стихотворений поэта, выдержки из его прозаических произведений и специальная серия иллюстративного материала. В календаре приводятся также стихи и отрывки из произведений других писателей и поэтов, наиболее любимых детьми. Кроме того, помещаются различные пословицы, афоризмы, шутки, ребусы.

В работе над составлением календаря принимали участие А. Гапдар, С. Маршак, М. Пришвин, С. Григорьев, Г. Штурм, М. Ильин, В. Шкловский и другие. Некоторые из них написали специально для календаря новые стихи, новеллы и короткие рассказы. Обширный военный раздел составлен писателем Л. Савельевым и поэтиком Н. Никифоровым. Календарь богат иллюстрированными многочисленными рисунками, репродукциями и фотографиями.

Детский настольный календарь предлагается выпустить 500-тысячным тиражом в конце текущего года.

Новый сценарий Вс. Вишневского

Вс. Вишневский, режиссер Эфимир Шуб и оператор Э. Тисес совершили большую поездку по Бессарабии и Северной Буковине, продолжавшуюся почти полтора месяца. За это время Вс. Вишневский написал сценарий «Земля Бессарабская». В Аккермане, Кишиневе и других местах уже идут съемки отдельных кадров будущего фильма.

Искусство Палеха

ИВАНОВО. (Наш корр.). Сегодня Палехское товарищество художников празднует пятидесятилетие своей деятельности. Палехские мастера прошли большой и славный путь. В первые годы здесь работало только 7 художников, теперь же в товариществе работает 85 художников. Производственный план товарищества за это время с 4 тысяч увеличился до миллиона рублей.

За эти годы художники Палеха принимали участие почти во всех крупнейших художественных выставках Советского Союза, Западной Европы и Америки и добились мирового признания. Товарищество и отдельные члены его, лучшие художники, имеют более двух десятков почетных дипломов первой степени. Прекрасные, изумительного мастера композиции палехская на лапше-маше заняла видное место в витринах лучших музеев мира наравне с шедеврами старинной персидской, китайской, индийской миниатюры. В настоящее время палехские художники готовят к лермонтовской выставке.

Ко дню юбилея в Музее палехского искусства готовится выставка «Искусство Палеха за 15 лет». Будет представлено 228 новых работ художников Палеха и 35 работ, выполненных студентами Палехского художественного училища. Кроме того, выставляется 428 старых произведений, иллюстрирующих патнацательный путь развития искусства Палеха.

Один из отделов выставки отведен показу творчества представителя второго поколения палехан, молодому талантливому художнику И. Д. Баженову.

Домик в Кирьявалле

В декабре 1939 г., когда на Карельском полуострове гремяли ожесточенные бои, вместе с частями Красной Армии, продвигавшимися по дорогам, прегражденным лазами, колючей проволокой и лесными завалами, шли и ленинградские писатели — работники боевой красноармейской печати.

Немедленно после того, как боефронты были выбиты в Мустаяки, в Кирьявалле примчалась военная журналистика. Они нашли памятные дачи. В маленьком домике, где жил первое время Алексей Максимович, сохранились почти вся мебель и другие вещи, находившиеся здесь и во времена Алексея Максимовича.

У домика точно так же встал красноармейский караул. В прозвонные и суровые дни войны, как величайшее национальное достояние, оберегала Красная Армия маленькую дачку в Кирьявалле.

В воскресенье 15 сентября 1940 г. группа ленинградских писателей ехала по Приморскому шоссе, ведущему из Ленинграда в Выборг. Оказалось, что все товарищи, находившиеся в машинах, — участники боев с белофиннами. С волнением оглядывались они знакомые места. Вместо грохочущих танков по шоссе неслось автобусы с отдыхающими ленинградцами. По краям дороги стояли ясные шесты с уютными надписями: «Дача завода им. Ленина», «Дом отпыха», «Салютаторы».

На одном из перекопков, вблизи пригородной станции с указателем дороги на Мустаяки, виднелась табличка со стрелой:

«К музею-даче А. М. Горького».

Машины свернули на эту дорогу, которая вскоре станет известной тысячам экскурсантов.

Сотрудникам Центрального музея А. М. Горького (среди которых был и тов. Лаврышкин, старый товарищ Алексей Максимович), по раз посещавший Горького в Кирьявалле) удалось воссоздать обстановку горьковской дачи в том виде, в каком она была в январе 1914 г. Вырванные резные стулья по-старому обдувают обветшалый стол, познанный бархатной скатертью. Старомодный буфет почти что подпирался столом. В углу поблещивает самовар, под-

История литературы народов СССР

ЛЕНИНГРАД. В плане Пушкинского общества на 1940—1941 г. большое внимание уделено изучению национальных литератур народов СССР.

В течение 1940—1941 года авторским коллективом писателей и литературоведов под редакцией академика А. Н. Толстого, члена-корреспондента Академии наук Е. Э. Бертельса и других должны быть даны в печать монографии «История литератур народов Средней Азии» (50 авторских листов) и «История казахской литературы» (30 авторских листов). Обе книги будут изданы в 1941 году ленинградским отделением Учгедизна.

В течение этого же времени должны быть подготовлены к набору три монографии по истории литератур народов Грузии, Азербайджана и Армении.

Организуется цикл лекций по истории литературы народов Средней Азии и Казахстана, а также специальные доклады в сопровождении художественных иллюстраций, посвященные 500-летию со дня рождения великого азербайджанского поэта Низами и 500-летию со дня рождения великого поэта, родоначальника узбекской литературы Атишера Навои.

ДОМИК В КИРЬЯВАЛЛЕ

В марте 1913 г. на острове Капри Алексей Максимович Горький получил письмо из Кирьявала, от Владимира Ильича Ленина.

Ленин писал:

«...Литераторская амнистия, кажись, подвела. Надо Вам испробовать вернуться... революционер по нынешним временам больше сидит внутри России... А революционеру по-настоящему возможность поехать по России (по новой России) означает возможность во сто раз больше ударить потом Романовых и К^о...»

После долгой эмиграции 31 декабря 1913 г. Алексей Максимович вернулся в Петербург. 1 января был день нештатный. Но сразу же после Нового года департамент полиции получил секретное дознание:

«31 минувшего декабря в С.-Петербурге прибыл из заграницы известный департаменту полиции нидерголандский певец Алексей Максимович Нейшов (литературный псевдоним Максим Горький), который в тот же день по наблюдением филеров выехал по Финляндской железной дороге на станцию Мустаяки, откуда на лошадах очутился в дачную местность Кирьявала, где и был оставлен».

В Кирьявалле А. М. Горький поселился на маленькой дачке, будто затерявшейся в лесу. Дача-даже предоставил ему две скромные комнаты. В столовой стоял старомодный буфет, высокие резные стулья окружали обветшалый стол, познанный бархатной скатертью. Другая комната служила одновременно кабинетом и спальней. У железной кровати лежал потертый ковер. Над крохотным письменным столом была прибиты книжная полка. Алексей Максимович расставил на ней книги, привезенные из Италии. На многих книгах были автографы писателя.

Прожил некоторое время на этой маленькой дачке, Горький переехал затем в другой дом, тут же в Кирьявалле, на дачу Ланге. Так дачное местечко Кирьявала вошло в историю: здесь жил и работал великий писатель.

Литературная газета

6 — № 49

РЕДАКЦИЯ: Москва, Последний пер., д. 26, телефоны отделов: современной литературы и критики, писем — К 4-46-19; искусств и публицистики, иностранного, информации — К 4-34-60; иллюстраций и секретариата — К 2-20-95.

Типография газеты «Индустрия», Москва, Цветной бульвар, 30.

Ю. ИСАКОВ

Кирьявала.

Облигации займа

25.000 рублей

ВЫ МОЖЕТЕ ВЫИГРАТЬ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЗАЙМУ 1938 года

ЕЖЕГОДНО ПО ЗАЙМУ ПРОВОДИТСЯ 6 ТИРАЖЕЙ ВЫИГРЫШЕЙ.

В КАЖДОМ ТИРАЖЕ РАЗЫГРЫВАЕТСЯ:	
12 ВЫИГРЫШЕЙ по 25.000 рублей	
60 ВЫИГРЫШЕЙ по 10.000 рублей	
360 ВЫИГРЫШЕЙ по 5.000 рублей	
3600 ВЫИГРЫШЕЙ по 1.000 рублей	
13608 ВЫИГРЫШЕЙ по 400 рублей	
ВСЕГО 17040 ВЫИГРЫШЕЙ на сумму 11.503.200 рублей	

Очередной 14-й тираж выигрышей состоится 11 октября 1940 года в городе СВЕРДЛОВСКЕ.

Облигации займа свободно продаются и покупаются в сберегательных кассах

приобретайте облигации займа 1938 года

СЛЕДИТЕ ЗА ТИРАЖАМИ ВЫИГРЫШЕЙ.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСТРУДСБЕРКАСС И ГОСКРЕДИТА

Хроника

* МПНСК. (Наш корр.). ПК комсомола Белоруссии подготовил к печати большой литературно-художественный сборник «Под знаменем партии», посвященный юбилею знаменем в этом году XX-летию комсомола Белоруссии.

В сборнике будут помещены стихи Янки Купалы и Якуба Коласа, произведения Владыки, Брокко, Лынькова, Глебоко. Специально для сборника написали очерки и рассказы писатели: Хведос Шинкер, Кузма Чорныя, Рыгор Мурашка, Юрка Витьбиз, Алякс Якимович и М. Климкович. Кроме того, в сборнике публикуются лучшие стихи поэтов-комсомольцев: Акакия Кулешова, Пилипа Панченко, Э. Огнечев, Михася Калачинского.

* АЛМА-АТА. (Наш корр.). Состоялся торжественный вечер, посвященный 500-летию юбилею «Джангана». С докладом о великом калмыком эпосе выступил Мухтар Ауэзов. К юбилейным дням выпущен перевод «Джангана» на казахском языке.

* МИКОИЯ-ШАХАР. (Наш корр.). На собрании членов Союза советских писателей Карачая слушали творческий отчет молодого поэта Али-Солтана Кочкарова.

Недавно националистическое правительство выпустило первый сборник его стихов — «Намула». В сборник вошли лирические стихотворения и первая часть поэмы «Темриболат». Все произведения, напечатанные в сборнике, за исключением поэмы, рассказывают об успехах социалистической стройки в горах. Содержание поэмы — прошлое карачаевцев, откуда вышел самоотверженный революционер, герой поэмы — Темриболат.

Собрание обсудило вторую часть поэмы, прочитанную автором.

* ОМСК. (Наш корр.). Вышла из печати первая книжка альманаха для детей «Соколик». Альманах открывается очерком Ал. Нагибина о скачке Ермакова, авторе «Конька-Горбунка». Затем печатается рассказ В. Сычева о необычайном столкновении сады профессора А. Д. Кизюркина, новелла из жизни пограничников С. Шеманова «Через реку плывет конь», рассказ В. Рябинина «История двух доберманов», северные рассказы Виктора Уткина: «Обзорник», «Хитрый песен». «Сын медведя».

В альманахе много стихов и отдел об интересных книгах.

* Около 10 лет существует при ленинградском механическом заводе литературная группа. Члены литгруппа проводят литературные вечера в цехах, выступают по радио.

Член группы Г. Куваев написал кинооперу о гражданской войне на севере. Сценарий одобрен студией «Ленфильм».

В настоящее время готовится к печати сборник произведений членов литгруппы. В него войдут лучшие произведения завсегдатаев поэтов и прозаиков.

* Встреча мордовских писателей со своими читателями состоялась недавно в Дубенской средней школе (Мордовская АССР). После вступительного слова Н. Филипова о мордовской литературе с чтением своих произведений выступили поэты: А. Мартынов, А. Рогожин и В. Радин.

«ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ» № 9

Вышел сентябрьский номер «Исторического журнала».

Большой интерес представляет статья Е. Луцкого «Куликово поле». Автор, собрав о результатах тщательного анализа источников, описывающих замечательную победу великого русского народа над чужеземными завоевателями, дает во всех подробностях наиболее вероятное место расположения войск и ход сражения русских полков с полчищами хана Мамай.

Исследова «Полное собрание русских летописей», «Повесть и сказание о победившем великого князя Дмитрия Донского» и другие источники, Е. Луцкий разбивает каждый час сражения в день 8 сентября 1380 г., делает свои выводы, не соглашаясь с толкованием, которое в прошлом дали историки Н. С. Голубин и редактор «Географического описания России» В. П. Семенов.

Этому неправильно толкованию способствует, как пишет автор, то, что «Куликово поле, этот замечательный памятник герою борьбы за нашу родину, изучено еще очень слабо. Не существует литературы о Куликовом поле, как историческом памятнике».

Очень интересные факты узнает читатель из статьи проф. Н. П. Киселева «Изобретение книгопечатания и первые типографии в Европе».

Еще до изобретения Иваном Федоровым книгопечатания, в 1555—1557 гг. в Москве работала группа печатников, имена которых остались неизвестными.

В номере помещены статьи: Ф. Константинова «Анти-Дюринг» — Ф. Энгельса, П. Гофмана «Большевистская партия — организатор разгрома колчаковщины», проф. Е. Штейнберга «Индия последней четверти XIX века», Х. Пеклер «Древнее государство Мари» — о недоволе произведенных раскопках древневосточного государства Мари, существовавшего в третьем тысячелетии до нашей эры, и другие статьи.

Новые книги в Грузии

* Очерк истории грузинской литературы в древнейшие времена до наших дней будет издан к двадцатилетию Советской Грузии (в 1941 г.). По решению президиума ССП Грузии над книгой работает специальная комиссия литературоведов и критиков.

* Издательство «Заря Востока» выпустило второй том исторического романа Е. Антоновой «Дядя Мурави», на жизни политического и военного деятеля Грузии XVII века Георгия Саакадзе. Роман вышел с примечаниями В. Черного, исторической консультацией — академиком Ив. Джавахишвили.

* Издательство «Федерация» в ближайшее время выпускает знаменитый памятник грузинской литературы середины XIX века, книгу Георгия Мерули «Жизнь Григория Хандтадзе». Это произведение является классическим образцом древнегрузинской художественной прозы.

Книга выходит вторым изданием, под редакцией С. предисловием и комментариями П. Ингроква.

ИЗВЕЩЕНИЯ

24 сентября в 19 часов в Московском клубе писателей состоится совещание писателей, созываемое президиумом ССП СССР.

С докладом о задачах советской литературы и о тине советского писателя выступит член президиума ССП В. И. Лебедев-Кумач.

25 сентября в 8 часов вечера в помещении Клуба Союза советских писателей (ул. Воробьевского, 60) состоится доклад о международном положении.

Докладчик — генерал-майор Ф. П. Сулков.

БЮРО ПАРТОРГАНИЗАЦИИ ССП.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛЮБИЩЕВ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.